Совсем как живая

Автор:
Евгения Михайлова

Совсем как живая

Евгения Михайлова

Детектив-событиеЧастный детектив Сергей Кольцов

Мать Николая Кузнецова постоянно ему твердила: покупка огромного ярко-оранжевого джакузи в ванную комнату – это самая большая глупость в его жизни. Она даже не догадывалась, что после ее смерти сын совершит еще большую глупость и пойдет работать… киллером…

Ольга Воронова не верила своим ушам: ее новый любовник, а по совместительству и новый шеф после их страстной ночи уехал из офиса вместе с симпатичной Викой. Но на следующий день Виктория так и не появилась на рабочем месте…

Частный детектив Сергей Кольцов многое повидал на своем веку, но с такой просьбой клиента столкнулся впервые – тот требовал предоставить ему для личных целей подходящий труп молодой и красивой девушки…

Судьба иногда разыгрывает поистине дьявольские комбинации. И никогда не знаешь, какую роль в твоей жизни может сыграть одна далеко не случайная встреча…

Евгения Михайлова

Совсем как живая

Все события и действующие лица романа вымышленные

Пролог

Летним вечером два человека спокойно сидели в добротно обставленном кабинете скромного офиса и негромко беседовали. Один из них был коренастым, плотным, круглолицым брюнетом, другой – худощавый, с удлиненным подбородком, со светло-русыми волосами и залысинами над высоким лбом. Но при беглом, не очень внимательном взгляде они казались похожими, как братья. Эффект общей «песочницы». Одинаковый уровень деловой озабоченности во взглядах, значительность интонаций определенного социально-делового круга, немного разного цвета костюмы примерно одной цены. Уже не клерки, еще не совсем государственные мужи.

– Процесс пошел, Витя, – невыразительно сказал брюнет.

– Да, Костя, – кивнул собеседник. – Я как-то еще не осмыслил.

– Деньги большие. Другой уровень.

– Завтра с утра собираем всех и начинаем действовать?

– Начинаем, Витя. Но всех не собираем. Только главного бухгалтера. Она оформляет поступление… Пока так. Потом все пойдет на один счет.

– Не понял. На чей?

– Ни на чей. На ничей. Под грифом «Секретно». Ты понял?

– А…

– Такое условие. Из следующего поступления мы оставим себе значительный процент. Тогда и поставим в известность коллектив, приступим к нашей программе.

– Значительный – это сколько?

– Пятьдесят.

– А пятьдесят на ничей счет?

– Сам понимаешь… Нам повезло. Нам очень повезло. Еще такая деталь. Деньги, которые оформит завтра Марина, перебросит через некоторое время уже другой главный бухгалтер.

– Ты что! Ты хочешь уволить Марину? Мы никогда не найдем работника лучше. Она умный, честный профессионал. Большая редкость.

– Мы найдем хуже. Точнее, я уже нашел. Хорошего, покладистого паренька, который умеет забывать информацию. А Марину я не буду увольнять…

– Что ты имеешь в виду?

– Она – не тот человек, которого можно отпустить с такой информацией.

– Ты… Нет, Костя. Ты этого не сделаешь. Марина – молодая женщина, у нее маленький ребенок. Она… очень красивая…

– Как ты разволновался, – небрежно хохотнул Константин. – Я не собираюсь ее завтра отравить или зарезать. Просто думаю о том, как ее нейтрализовать. Возможно, найти ей более подходящее место. Она ведь серьезный экономист, а не просто бухгалтер. И действительно красивая женщина, яркий человек… То есть очень опасный свидетель. В неспокойной обстановке, знаешь, именно таких используют, если понадобится, к примеру, взорвать наше дело. Я просто размышляю и делюсь с тобой… Ты в порядке? Как-то побледнел…

– Костя, об условиях этой сделки знаем мы втроем? Ты, я и Марина?

Они оба уже стояли. Константин неторопливо подошел к приятелю, положил руку ему на плечо и посмотрел в лицо открытым, преданным взглядом темно-карих глаз.

– Есть такое понятие – мужская дружба. Нам ли с тобой этого не знать? Нам ли сомневаться друг в друге? Мы прошли нелегкий путь.

– Да, Костя. Все так. Не нужно произносить речь. Конечно, я тебе верю.

На следующее утро автомобиль Виктора Леонтьева, заместителя президента финансовой корпорации, взорвался во дворе его дома. Виктор погиб мгновенно. Его торжественно и пышно хоронили через несколько дней в закрытом гробу. Друг и руководитель Константин Петров произнес скорбную, душевную речь.

– Дорогой друг Виктор, – обратился он к огромному портрету у гроба. – Ты любил жизнь, ты любил наше дело, любил людей… Ты не щадил себя… Мы тебя никогда не забудем.

Часть первая

Глава 1

Коля Кузнецов лежал в своем огромном джакузи экзотически-пламенного цвета и меланхолично управлял процессом пальцами ног. Горячий поток, холодный, сильнее, мягче, подсветка, простые мелодии: французский шансон, рок, метал, ретро, вообще – «Владимирский централ», рэп… «Ой, заткнись, – лениво произнес Коля. – Тебя я нажал нечаянно». Он страшно не любил косноязычия. Ко всему остальному был терпим. Но в тишине думается все же лучше. Коля думал о том, что мама назвала этот джакузи самой большой глупостью его жизни. Он мысленно выстраивал в ряд по размеру самые значительные глупости своей жизни и приходил к выводу, что в данном случае мать, как всегда, погорячилась. Да, было много суеты. Сначала соседи затопленных этажей снизу, потом крайне неприятные люди по имени «коммунальщики», потом комиссии, бумаги, согласования… Отключение воды вообще: им с мамой казалось, что навсегда. Они стойко переносили невзгоды. В привычном для их семьи порядке. Мама с рассвета начинала обзвон, как диспетчер МЧС, затем решительно садилась за руль своего черного джипа и объезжала инстанции. Коля лежал на диване и

думал. В частности, о том, что с мамой у него точно все в порядке. Не напрасно она его родила в сорок лет, когда старший брат уже был женат. Мама родила Колю «для души», как объясняла она вскользь. Пауз для подробных объяснений у нее никогда не было. Член-корреспондент Академии наук, главный редактор трех профильных журналов, она постоянно куда-то торопилась. Уладила тогда ситуацию с джакузи, заказала билет на самолет в Швецию на симпозиум, вечером они с Колей вдвоем отмечали свой общий день рождения. Коле исполнилось сорок, маме – восемьдесят. Они выпили бутылку красного вина, съели ее фирменную кулебяку. Коля вдруг поймал ее непривычно внимательный взгляд.

– Как ты без меня будешь?

– Ты же вернешься через неделю, – пожал плечами Коля. – Посплю хоть без твоих разговоров по телефону.

– Я не об этом. Как ты вообще будешь? Ты же ни на что не способен.

– Обидно, мам. Да еще в юбилей, так сказать. Давай не будем омрачать праздник оскорблениями. Надеюсь, я еще побуду с тобой. Мама, ты ни разу не болела за всю мою жизнь. А я, например, два раза лежал в больнице, у меня зимой всегда грипп, а не так давно я сломал ногу, если ты помнишь. Впрочем, ты могла и не заметить. Если честно, мам, я очень обижен. Мне казалось, я тебе нравлюсь.

– Ты умный, образованный, симпатичный. Это я совершенно объективно говорю. Но ты поразительный бездельник, понимаешь?

– Ты не права, но мне лень об этом говорить. Посидели, называется.

– Ладно, не дуйся. – Она потрепала его волнистую каштановую гриву, в которой уже блестели серебряные нити. – Вернусь – передам тебе дела. Ты справишься, я знаю.

Она попала в ДТП по дороге в аэропорт. Коле было так плохо, что он не покончил жизнь самоубийством только потому, что это выглядело бы нелепо, истерично со стороны. Здоровый мужик, в расцвете сил, не может жить без матери. Но он не мог. Абсолютно не интересовался возней старшего брата по поводу оформления наследства. Мама, конечно, не оставила завещания: она не собиралась умирать.

В эту возню вступила Колина бывшая жена и его восемнадцатилетний сын, слишком похожий на свою мать, чтобы нравиться отцу. Да и сыну такой папа как-то не очень. Бабушку он не то чтобы любил. Просто с раннего детства понимал, что ему с ней повезло. Она щедро расплачивалась за равнодушие его отца. В общем, они поделили и расхватали что могли. Мамины заместители заняли ее кресла. Коля остался в этой квартире, где дожил птенцом до сорока лет и каждый день и каждую ночь боролся со страшной тоской. Он даже ругался с матерью.

– Ты родила меня для души? – горько спрашивал он. – Для своей души? А о моей ты подумала, когда неслась на своем сумасшедшем джипе в аэропорт? Мама, тебе было восемьдесят лет, ты должна была позаботиться о том, чтобы отучить меня от себя постепенно. Ты же знала, что я больше ни с кем жить не могу.

Прошло несколько месяцев. Боль не прошла, деньги кончились. Надо думать самому, как жить дальше. Коля вышел из ванной, встал в прихожей у зеркала во всю стену, задумчиво посмотрел на свое отражение. Он пытался увидеть себя в какой-то сфере деятельности. Перед ним стоял высокий широкоплечий мужчина в махровом халате с однозначно красивым лицом – светло-карие глаза, крупный правильный рот, приятная белозубая улыбка, вполне себе умный лоб. В ящике письменного стола – два диплома о высшем образовании: философский факультет, затем журналистика МГУ. Временами он где-то работал, вроде получалось, но в одно прекрасное утро становилось ясно: каторга должна кончиться, в противном случае это не жизнь. Это было как с женитьбой. Говорят, каждое предложение находит спрос. И наоборот. Коля вошел в мамин кабинет, включил компьютер, набрал в поиске «работа» и разбросал по нескольким сайтам объявление: «Ищу работу на непродолжительный срок с достойной оплатой. Умею все. Подробности, если меня заинтересует предложение. – Он подумал и добавил: – Просьба с ерундой не обращаться». И добавил фото, на котором сам себе казался похожим на идеализированный портрет Петра Первого.

Глава 2

Со стороны Коля всегда производил впечатление праздногуляющего человека. В этот душный летний вечер он легко вписался в небольшой поток людей, которые

зачем-то пришли в сей абсолютно идиотский сквер. Его планировщик явно страдал угловым синдромом. Ни одной прямой дорожки, ни одного округлого цветника, ничего похожего на то, что способна создать природа, не страдающая комплексами и не зарывающая в землю деньги налогоплательщиков. Коля лениво шел зигзагами плиточных дорожек мимо зигзагов цветов, выстроившихся, как солдаты, с интересом рассматривая поставленные зигзагами скамейки. На них никто не сидел: кому нужно, что на тебя косо смотрели с соседней лавки. Прямо не получится. Коля улыбнулся. Он любил откровенную глупость и в силу врожденного чувства юмора, и в рамках собственной теории: чужая глупость повышает самооценку разумного человека, который не слишком преуспел в жизни. Скажем так: не захотел преуспевать в обычном, примитивном понимании. Самый большой умник в школе и университете, дружбой и вниманием которого все гордились, как-то остался совсем без друзей. Они не понимали его, он не понимал их. У них семьи, бизнес, горячка бежать, брать, продавать, куда-то лезть, догонять, отбирать. А он вчера ночью плакал, вспомнив о маме, единственном по-настоящему близком человеке, собеседнике, друге, няньке, как ни крути… И в этот сквер пришел, потому что денег, оставшихся в квартире после нее, хватит от силы на неделю. И – все. И без вариантов. Ему позвонило несколько человек по его объявлению. Все предложения показались ему бредом, кроме одного – встретиться и поговорить. Голос явно принадлежал человеку, который знает, чего хочет, и способен достойно оценить работу… Работу, о которой нельзя говорить по телефону, что само по себе любопытно. Коля согласился, а не бросил в ужасе трубку, чтобы, стиснув руки, воскликнуть: «Только не криминал!» А почему нет? А что нынче не криминал? Он читает по Интернету компромат на кого только возможно. Ну, не на зарплату же все это… Не за честное служение… И если рассмотреть вопрос с философской точки зрения, разве не криминал – оставить себя без помощи? Да, именно, по статье «оставление в беспомощном состоянии»…

Уже совсем стемнело, когда он подошел сзади к невысокому коренастому мужчине, который цепко вглядывался во всех прохожих.

– Добрый вечер, – негромко произнес Коля, и мужчина вздрогнул от неожиданности, посмотрев на него снизу вверх почти испуганно.

– Вы Николай? Я не понял: вы чего подкрадываетесь? Разве мы не договорились: вы стоите и ждете с газетой в руках!

– Я пришел сюда и спохватился, что у меня в руках нет газеты. Ну, думаю, что ж я без нее буду стоять как дурак? Я погулял. Здесь красиво, вы не находите?

– Понятно. Шутник. У меня нет времени. Будем по делу или расходимся?

– Я внимательно вас слушаю.

– С чего начать – с работы или вознаграждения?

– С него, пожалуйста.

– Много. Вас устроит.

– Не слишком конкретно, но, думаю, мы все уточним. Если…

– Если вы возьметесь.

– Неужели убийство? – спросил Коля, чувствуя себя то ли участником дурацкого спектакля, то ли зрителем такого же кино.

– Да. Если отказываетесь – сразу расходимся.

– Я не отказываюсь. Я примерно этого и ждал.

– У вас есть какая-то подготовка?

– Я служил в армии. И даже был в горячей точке. Мать вытащила. А что, много народу я должен по вашей задумке убрать?

– Мало. Одну молодую женщину.

– Что?

– Расходимся?

– Да нет, почему. Уйду я – кто-то другой получит ваши деньги. Женщине уже не уцелеть, как я понимаю.

– Да. Вопрос решен. Возвращайтесь, пожалуйста, домой. Вам придет на телефон ее фотография. Завтра вы получите подробную информацию. Спешки нет. Все требуется тщательно продумать. Я должен быть в курсе. До связи. Меня зовут Константин.

Коля задумчиво смотрел в широкую спину уходящего человека. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне…» Он сделает эту работу. Мама, а ты говорила, что я ни на что не способен… Один поступок может заполнить всю пустоту вокруг него… Убить женщину. Всего одну. Из такого огромного количества мужчин и женщин…

Он приехал домой на метро, посидел абсолютно без мыслей на диване, пока не услышал сигнал: пришло ММС. Взглянул сначала бегло. Затем подключился к компьютеру, вывел портрет, увеличил, еще увеличил… Закурил. У нее сияли светло-карие, практически рыжие, золотистые глаза. Он таких никогда не видел. И улыбка дрожала в уголках нежного рта. И пышные волосы открывали маленькое ухо, касались нежной шеи… «Вот это да, – сказал Коля незнакомке. – Как же мы с тобой попали! Теперь вся надежда на мой могучий разум, но он как-то стал тупить от твоей красоты».

Глава 3

Он всю ночь смотрел в потолок. Причем так пристально, как будто хотел просверлить его взглядом, раздвинуть облака, увидеть или услышать хоть какой-то знак. Там же мама: она должна похлопотать за него в небесной канцелярии. Смешно: он решился на убийство, но «добро» хочет получить неземное. Знака он не дождался, примерно все себе выстроил сам. Он в ловушке. Ему безразлична собственная жизнь, с какой тогда стати сожалеть о чужой? Его цинизм – это его точка опоры. Вот сейчас он должен на что-то решиться, потому что бездействие хуже смерти. Чем экстравагантнее и страшнее действие, тем лучше: пусть он погибнет, но не в норе… То есть проблем нет: он преодолеет себя, как Раскольников, и, возможно, получит удовольствие от кусочка свободной, богатой жизни… В отличие от

вышеупомянутого невротика, который меньше всего рассчитывал на удовольствие. Свободная жизнь… Да, как ни ужасно это признавать, но он стал свободным от всех условностей, оказавшись в абсолютном одиночестве. Богатство – ну, речь идет всего лишь о победе над нищетой. Он не хочет думать, на что завтра или через год купит сигареты… Навязчивых идей у него нет. Запара с футбольным клубом, или местом в Думе, или с замком в заповедных местах его не заинтересует даже в бреду. То есть он свободен и от денег, стало быть, ему можно их иметь. А это редкое качество, других достоинств, впрочем, Коля у себя пока не находил. У них в шкафу лежат собранные мамой материалы о предках-дворянах. Один из них – декабрист – умер от чахотки в Сибири…
И Коля его понимает. Просто его судьба посылает не на Сенатскую площадь… Черт побери, ну куда посылает, туда посылает! И, если судьбе вздумается, Сибирь его найдет. В общем, никаких проблем нет, есть частности. Лицо этой женщины. Он убьет любую другую. Или как-то это организует. Эту нужно для начала увидеть. Ну вот, звонит работодатель.

– Доброе утро, Николай. Что скажете?

– Я как-то не ожидал, что вам захочется со мной беседовать о жизни. Но я могу…

– Знаю, что можете. Получил на вас полное досье.

– Что вы говорите? Дадите почитать?

– Нет. Вы подходите. Не передумали?

– Не успел.

– Сейчас на ваш мейл придет письмо с данными объекта: имя-фамилия, адрес, место работы, маршрут… Ознакомьтесь. Когда будет план, позвоните по этому телефону. Как я сказал, не нужно торопиться, но и тянуть нельзя.

– Сколько у меня времени?

– Недели две.

– Могу рассчитывать на аванс?

– Да.

– Я хотел уточнить: девушка должна исчезнуть или…

– Или! Ее должны опознать и похоронить близкие и коллеги. Это условие.

– Понятно, Константин. Если у вас все, то я в это время суток пью кофе.

Коля встал, открыл письмо, сразу все запомнил. Романова Марина Георгиевна. Работает главным бухгалтером в финансовой корпорации «Просвет». О! Лирики, однако. Адрес рабочий, домашний, время работы, телефоны, маршрут. Ездит в метро. Коля быстро нашел в поиске этот самый «Просвет». Точно как в аптеке: президент – Константин Петров. Ну, елки-палки, какой примитивный козел. Он нанимает для убийства своего главного бухгалтера интеллигентного, образованного человека, который ему подходит, поскольку нигде не работает и живет один. То есть убрать его потом – пара пустяков. Сбит пешеход – водитель скрылся, пробита голова – пьяный бомж признался. Вместе с Мариной будет похоронена тайна серьезного преступления – хищения, свидетелем которого она была. Ее убийцу, конечно, будут искать… и найдут в каком-нибудь морге. Убийц Коли никто искать не станет. Вот такую он нашел себе работу – разового киллера. Поскольку даже при самой большой симпатии к нему Константина Петрова оставить его в живых тот не может. Более того, поскольку все карты уже раскрыты, ему – не жить, даже если он сейчас откажется. С такой информацией не гуляют.

Потом Коля долго лежал в своем джакузи радостного цвета и мысленно, по привычке последних недель, обращался к маме: «Теперь ты понимаешь, что эта ванна – не самая большая глупость в моей жизни? Это вообще не глупость, поскольку я только ее теперь и люблю. Без тебя она мне кажется родственницей. Самой большой глупостью была мысль, что мне нужны деньги. Мама, я бы спокойно мог заработать их как угодно. Что бы ты ни говорила обо мне, мы оба знали, что я умею все, просто не хочу ничего делать. Но мне понравился голос человека, который посылает меня убить своего бухгалтера, чтобы потом раздавить меня, как таракана. Такое выгодное дело я нашел. Или оно нашло меня. Ты представляешь, этот тип получил на меня досье, и я ему понравился! Подошел! Ты скажешь, конечно, что надо срочно бежать в полицию… И будешь не права. Даже если они мне поверят, даже если затеют спектакль с липовым убийством и всем тем, что показывают по телевизору, он потом откупится от суда и все равно меня грохнет, а потом убьет эту женщину.

Она красивая. Или просто фотогеничная. Ну, это не суть. Не хотелось бы, чтобы ты продолжала думать, что я ни на что не способен».

Коля выбрался из теплых, оранжевых объятий, легонько промокнул себя пушистым полотенцем, накинул халат и пошел пить кофе. Потом он долго рылся в ящиках письменного стола, искал старые телефонные книжки. Нашел номер Игоря Василькова, с которым был когда-то в горячей точке. Позвонил, не слишком надеясь на удачу: телефон мог измениться. Но Игорь ответил, даже узнал, обрадовался. Сказал, что работает начальником охраны в одном офисе. Договорились на следующий день встретиться, посидеть где-то. Потом он нашел телефон журналиста, с которым когда-то открыли журнал «Богема». Все шло неплохо, просто Коле эта типа богема, которая, кстати, неплохо платила за материалы о самой себе, опротивела до дрожи через несколько месяцев. А соратник Степа вошел во вкус и до сих пор – главный редактор.

– Привет, Степа, узнал?

– Не может быть! Ты соизволил вспомнить обо мне? Слушай, если хочешь поработать, нет проблем. Ставка найдется. Только, извини, зам у меня уже есть.

– Ты точно меня узнал?

– Коль, ты чего?

– Я засомневался. Никто никогда не думал, что я хочу поработать.

– А-а. Слушай, я тут замутил рубрику «Скандалы». Блеск. Ты знаешь, с кем живет Бобков и откуда деньги у этой Кобелидзе?

– Стоп! Степа, я понятия не имею, кто эти люди. Более того, я категорически не желаю этого знать. Я звоню по другому поводу. Идея какая-то смутная. Затеять что-то крутое, ну, к примеру, «Криминальное чтиво», но как-то… Ну, не так, как все. Никого не знаешь из частных детективов? Чтоб можно было рассчитывать на его честность, порядочность, все такое и, главное, по деньгам в пределах разумного.

– Они все непорядочные и по деньгам неразумные. Но есть один… Как раз помогал мне с одним скандалом. Рекомендация такая – только своим. Коля, дам телефон с одним условием. Иметь совесть. Ты можешь обращаться к этому человеку только тогда, когда он будет не нужен мне.

– Господи, да я, скорее всего, вообще не буду обращаться. Ты же знаешь, мои идеи гаснут, как светлячки. Но телефончик дай на всякий случай, ну, вдруг… Сошлюсь на тебя тогда, ладно?

Коля записал телефон, имя-фамилию. Сергей Кольцов. Ладно. Может, и пригодится. Раз мы встали на путь преступлений. В результате совершенных действий он почувствовал страшную усталость, как будто вагон с арбузами разгрузил. Лег спать, провалился мгновенно, во сне куда-то ехал, шел, встречался с незнакомыми людьми… Что-то ему было очень нужно. Сам не понял, что именно. Проснулся, резко поднялся, набрал телефон своего работодателя.

– Привет, Костя. Приступаю к разработке. Решил внести коррективы в нашу договоренность, хотя, по правде, это должен был сказать ты. Мы говорили об авансе – это само собой. Но есть еще производственные расходы.

– Сколько?

– Завтра утром назову сумму и номер карты.

– Хорошо. Завтра получишь.

Какой щедрый, подумал Коля, положив трубку. Этот скот из-за денег убивает женщину, работающую на него. Он переведет, конечно, ту сумму, на какую у Коли хватит воображения, – он не сильно пока в материале, сколько в таких случаях берут. И так же легко рассчитывает эти деньги потом вернуть: наверняка есть способы. Вернуть, когда его, Коли, не будет. Ну, тут посмотрим, старичок. Пока бреемся, одеваемся: пора двигаться. Знакомиться с жертвой.

Глава 4

Этот «Просвет» себя не афишировал вовсе. Он размещался в небольшом сером офисном здании в очень тихом месте, довольно далеко от метро и другого общественного транспорта. Скромный особнячок обнесен аскетическим забором, машин во дворе немного. Неподалеку несколько старых девятиэтажек, небольшой парк, виднеется какая-то церквушка. «Как все мило, – восхитился Коля. – Тихо и спокойно: можно мочить весь персонал раз в неделю, сбегать свечки поставить за упокой, набрать новых работников… И новых киллеров. Интересно, друг Костя уже заказал меня?»

Коля посмотрел на часы. Рабочий день Марины Романовой закончится через двадцать минут. До метро она идет пешком. Он прошелся по аллее парка, сел на скамейку, с которой хорошо просматривался выход из здания. Закурил, вспомнил вдруг одну ночь, когда их отряд получил команду взять штурмом поселок, где засели боевики. Как получилось, что они сами оказались в кольце, как выжили, выбрались – не все, только он да Игорь Васильков? С тех пор, как мама вытащила его в мирную жизнь, Коля никогда не вспоминал ту историю. Блок поставил себе в мозг. Сейчас снял и все вспомнил. Тогда они быстро сообразили, что их подставили, сдали. И Коля знал кто. Он легко принял решение – убить этого человека. Приказ та сволочь получила от других, в этом не разберешься. Но того, кто приказ выполнил, нужно было убить по многим причинам. Это был отморозок. Не враг, а свой отморозок. Но тут уже заработали мамины связи, Коля вернулся в Москву. Отслужил. Есть награды. Мать спасла жизнь ему и тому отморозку, которого Коля не убил. То есть он убивал в бою, а этого хотел убить выстрелом в затылок, чтобы отомстить за предательство. Теперь разнообразия ради подписался на убийство за деньги. Нормальная деградация…

– Дядя, можно нам здесь сесть? – раздался детский голос.

Рядом со скамейкой стоял худенький паренек лет двенадцати с большой лохматой овчаркой.

– Садитесь, – радушно ответил Коля. – Будьте как дома. Какой у тебя классный пес. Как странно он на меня смотрит.

– Он не смотрит, – серьезно сказал пацан, скромно сев на краешек скамейки. – Грэй слепой. Он вас слушает.

– Печально. – Коля внимательно посмотрел в темные, грустные глаза мальчика. – А в чем дело?

– Он работал. В МЧС. Мама говорит, это от пожара или от пыли завалов. Папа привез его к нам. Он там охранником работал.

– И ты один с ним гуляешь?

– Да. Я – его хозяин. Папа работает теперь на Рублевке охранником. Мама дома. У нас есть еще маленькие дети.

– Сколько?

– Два ребенка – Ваня и Тоня.

– Понятно. А почему вы в парке не гуляете?

– Мама не разрешает. Говорит, там нельзя детям с большой собакой. Потом на Грэя может кто-то напасть, я не смогу его оттащить.

– А где твой дом?

– Вот. Прямо у забора этой фирмы. Мы на девятом этаже живем.

– Удобно.

– Чем? – с живым любопытством спросил мальчик.

– Удобно наблюдать за этой фирмой. Вдруг они шпионы… Я шучу.

– А, – разочарованно протянул пацан. – А я подумал, правда…

– Как тебя зовут?

– Егор. А вас?

– Николай. А почему вы не гуляете в своем дворе: у вас там хорошо, зелено, много места?

– Вон смотрите, видите, что там торчит?

– Какая-то табличка. А что?

– Это табличка: «Собакам запрещено». Втыкает один дядька с восьмого этажа. Бетоном заливает. Взрослых он не трогает, а когда мы с Грэем проходим, орет. Пугает: убью собаку, в школу напишу…

– Да, бывают такие энтузиасты. Знаешь, мне сейчас некогда и уйти отсюда не могу, но я здесь не последний раз, думаю. Я потом тебе позвоню, мы этот экспонат вытащим.

– Правда???

– Ну, дел-то…

– А когда вы мне позвоните?

– Сейчас трудно сказать. Скажи свой номер.

– А я его не знаю. Мне никто не звонит.

– Тогда набирай мой телефон, у меня твой появится. Потом я его наберу, у тебя будет мой. Деньги на мобильнике есть?

– Да. Тринадцать рублей.

– Я тебе деньги положу. Звони, если будут новости.

– Я позвоню, дядя Коля. Спасибо.

Николай посмотрел на часы. Марина Романова немного задерживается. За время его разговора с Егором со двора выехало несколько машин. Пробежали две

девушки, по всему – секретарши. Значит, скоро. Коля давно не волновался. Не было повода. Горе – это антиволнение. Это провал. Тяжелое сердце просто падает на дно темного колодца, который, возможно, является душой. А сейчас сердце билось быстро и тревожно. Можно считать это прогрессом. Какой-то драйв.

– О чем ты думаешь? – посмотрел Коля на мальчика, который сосредоточенно сдвинул золотистые брови.

– Я хочу быть богатым, – уверенно ответил Егор.

– Ну, стал, допустим, а дальше что? Что бы ты сделал во-первых?

– Во-первых, я бы поднялся к этому дядьке, который воткнул табличку и ругается, и сбросил бы его с балкона.

– Не слабо. Только я не понял, при чем тут богатство. Сбросить дядьку с балкона может и бедный.

– Бедный сядет в тюрьму. А если бы я был богатым, я бы всем заплатил и сказал: «Он сам прыгнул. Я хотел его удержать, а он меня укусил за палец». И вот так взял бы и прокусил себе палец. Типа доказательство.

– Слушай, у тебя целый преступный план. Смотришь боевики?

– Смотрю.

– Хорошо. Я пошел. Мне пора. Позвоню тебе, Егор. Вечером получишь эсэмэску, что я деньги тебе положил.

– Спасибо. До свидания, – вежливо сказал Егор своим приятным голосом.

Коля встал и неторопливо пошел, чувствуя, что ему в спину пристально смотрят темные глаза мальчика и слепые глаза овчарки. Прямо знак какой-то. Чудесный, несчастный, одинокий пацан с ходу изложил ему схему, по которой он и сам действует. Сначала любым способом получить много денег, а потом как-то все само образуется… Видимо, это показывают в кино, и убить эту Марину за деньги

согласился бы даже первоклассник, если бы ему так повезло с предложением, как Коле. Вот она. Идет в нескольких метрах впереди по направлению к метро. Пропорциональная, аккуратная фигура, серая юбка чуть выше колен, белая шелковая блузка, светлая сумка через плечо. Он видит ее пышные золотистые волосы, заколотые высоко над затылком, стройные ноги в туфлях на невысоком каблучке. Догоняет, какое-то время идет рядом, потом лениво, небрежно произносит:

– Извините, не подскажете, как пройти к метро.

Его интонация не оставляет сомнений: он прекрасно знает, как туда пройти. Тем более вариантов нет. К метро ведет именно эта дорога. Девушка смотрит на него, в ее золотистых глазах, еще более ярких, чем на фото, блестят смешинки. Она не то что фотогенична. Она очень хороша собой.

– Неужели вы таким образом ко мне пристаете?

– Ну да. Мне просто лень придумывать другой образ.

– А приставать не лень? Я замужем, между прочим.

– Очень рад. Потому что жениться на вас я не собираюсь. Это такая головная боль, если честно.

Глава 5

На Кольцевой в вагон хлынула толпа, Марина оказалась плотно прижатой к Коле. Она подняла голову, смущенно улыбнулась, он чуть раздвинул сограждан плечом, создал некий комфорт для двоих. Они уже совсем познакомились. Хотели – говорили, хотели – молчали, не мешая друг другу. Ехать нужно было шесть остановок. Коля привычно для себя существовал в разных измерениях, временах, размышлял и сопоставлял то, что к актуальной для него проблеме не имело ровно никакого отношения. Он думал, как не повезло ему в браке. И в романах не сильно везло, если таковыми можно назвать легкие связи на пару дней или недель. Колина жена вышла за него замуж «по залету», перед этим

провела серию истеричных переговоров с его мамой, которая и приняла решение. Ему было абсолютно все равно. Лишь бы его наконец оставили в покое. Лида была дочерью маминого сослуживца, родители ее повели себя как порядочные люди. Коля переехал к жене. А через месяц вернулся домой. Мама спросила:

– Ты не мог потерпеть еще семь месяцев хотя бы, пока она родит?

– Ты действительно думаешь, что мое отсутствие скажется на процессе? – изумился Коля. – Она родит в любом случае, но я не могу так долго ждать. Ты же говорила, что все нужно делать в интересах ребенка. Вот я и ушел. Чтобы ребенок не родился депрессивным. Мне там плохо!

– А в чем дело?

– Во всем. Она мне не нравится. Если бы я рассказал тебе, какие ненормальные у нее сексуальные причуды, ты бы…

– Замолчи. Ты все-таки полный балбес. Кто рассказывает матери такие истории!

– Странно, – пожал плечами Коля. – Тебе было бы интересно.

Сейчас он разглядывал сверху лицо Марины. В жаре реснички ее чуть потекли, капельки пота над верхней губой, ее дыхание казалось горячим, как будто у нее температура. В нем ничего не протестовало, как это бывало обычно. Все вроде бы хорошо, а дышит тебе в лицо чужой человек… От Лиды он до сих пор при встрече держится подальше. Хотя она нормальная, здоровая, чистоплотная женщина. А с Мариной ему было до странности приятно. Запах тела, волос, нежное плечо, упругая грудь – это его не то чтобы возбуждало. Просто топило в грустной нежности. Может, так и становятся маньяками – он попробовал вывести мысль в область цинизма, – испытывают нежность к своим жертвам и подсаживаются на это?

– Ты поняла, что я провожаю тебя домой? – спросил он у нее, когда они вышли из поезда на станции «Академическая».

– Ну, если ты не живешь здесь, то, стало быть, провожаешь, – засмеялась она.

– И какие соображения по этому поводу?

– Может, тебе делать нечего или я тебе понравилась. Может, ты грабитель или альфонс. Вариантов куча, я даже не стану заморачиваться.

– Какой интересный у тебя жизненный опыт. И ты не боишься? Есть еще маньяки, убийцы…

– Пока не боюсь, – серьезно сказала Марина. – Но вообще-то я ходила на курсы самообороны. Имей в виду.

– Приходилось применять навыки в деле?

– Нет. Но пару раз убегала. Так вернее.

– Понятно.

Они вышли из метро и медленно пошли по улице.

– Ты кем работаешь? – спросил он.

– Бухгалтером.

– Не может быть! – очень искренне удивился он. – Я терпеть не могу бухгалтеров. У них противный голос и большой живот. Они всегда давали мне меньше, чем я ожидал…

– Тебе, наверное, попадались беременные бухгалтеры, – рассмеялась она. – Хотя, если честно, мне не нравится моя работа. Так получилось. У мужа возникли неразрешимые проблемы с бизнесом, долги до сих пор выплачиваем. Он сидит с ребенком. Я – кормилец. А ты кто?

– Безработный, – пожал плечами Коля. – Не заметно, что ли?

– Не знаю, – задумчиво посмотрела на него Марина.

– И какой у тебя муж?

– Блондин, если ты внешность имеешь в виду, – насмешливо сказала она.

Так ответить могла только его женщина. У других дам чувства юмора нет.

– Да, для меня действительно это очень важно.

– Все, Николай. Это мой дом, во двор, пожалуйста, не заходи. Муж может смотреть в окно.

Коле это вдруг так не понравилось, что он кивнул, резко повернулся и пошел прочь.

– Эй! – окликнула его Марина. – Ты даже не попросил у меня телефон.

Коля остановился и чуть было не брякнул, что ее телефон с утра вбит в его память гвоздями.

– Я завтра встречу тебя там же. У твоей работы.

– А если я не захочу?

– Мое дело – встретить. Не захочешь – пойду в другую сторону. Ты права: мне здесь делать нечего.

Он приехал к себе, и сразу раздался звонок по домашнему телефону. Костик явно демонстрирует, что пасет его со всех сторон.

– Да.

– Как дела?

– Полагаю, ты знаешь. Я познакомился с ней. Человек непростой, маршрут крайне неудобный, везде кучи народа, нужно время, чтобы что-то придумать.

– Хорошо. Ты знаешь, сколько у тебя времени. Расходные сейчас переведу. Триста кусков. Понадобится больше – скажешь. Аванс будет, когда назовешь точное время исполнения. Остальное… по факту.

Коля положил трубку, не прощаясь. Не говорить же ему «до свидания», этому сейфу с квадратными мозгами. А если взять у него аванс и нанять кого-то, чтобы его же и грохнули? Мысль приятная, но глупая. Ведь уже есть люди, которые собрали Константину досье на него, есть те, кто ждет сигнала, чтобы его убрать… А еще несколько дней назад самой большой его, Колиной, проблемой было отсутствие денег.

Ложиться как-то не хотелось. Мешала мысль о том, что скоро появится возможность лечь навсегда. Он сел к компьютеру и перевел Егору на телефон триста рублей. Чем богаты, как говорится. Остаток составил чуть больше пяти тысяч. Коля встал, попил воды, покурил, вернулся… О! Обещанные триста тысяч уже упали на его карту. Процесс пошел.

Глава 6

Марина уложила вечером спать своего трехлетнего Артема, поцеловала, пошептала на ушко, дождалась сладкого сопения и глубоко, с облегчением вздохнула. Ребенок здоров и доволен – это самое главное. В доме спокойно. Муж Саша отлично выполняет обязанности домохозяйки и матери. Конечно, он изменился после сокрушительного поражения в бизнесе, когда в один день оказалось, что он «должен» крупные суммы денег тем людям, с которыми в складчину начинал предприятие, и чиновники, получившие от него взятки, передают на него материалы правоохранительным органам по интересной статье «растрата без корыстного мотива», а еще выяснилось, что он открывал дело не с конкретными людьми, у которых есть фамилии и адреса, а в сговоре с «неустановленными лицами», что сулило очень большой срок… В общем, нагнал ветер грозовые облака, и пролились они на голову бедного Саши, зашедшего в бизнес не с той стороны, некачественным навозом со специфическим запахом заказухи. Для того чтобы уцелеть, спасти жизнь жены и ребенка, не сесть на долгие годы, пришлось раздать все сбережения, продать все, что имелось, включая дом его матери, набрать кредитов… которые и повисли на Марине, преподавателе экономического факультета. Тут-то и появилось предложение, от

которого нельзя отказаться. Новой финансовой корпорации срочно требовался грамотный главный бухгалтер. Зарплата раз в десять больше, чем у преподавателя. Обещали также серьезные премиальные. Думать было некогда. Она работала, работала, работала… Они почти выкарабкались из ямы лжедолгов, из лап вымогателей… Все были сыты, они целы. Саша стал спокойным, только иногда Марина остро ощущала его психологический надлом и изредка, вернувшись с работы и коснувшись губами его щеки, чувствовала запах спиртного. У нее сразу обрывалось сердце. Она знала, что они переходят бурную реку по очень узкому мостику: никакой возможности посмотреть вниз нет. Но они справлялись с этим. Они уже были не просто мужем и женой, они стали боевыми товарищами, вышедшими из вражеского окружения. Напряжение вносила лишь свекровь, которая теперь жила с ними. Она по какой-то одной ей понятной причине видела в Марине источник всех бед сына. Марина то и дело вздрагивала, встретив ее взгляд – «я тебя насквозь вижу», – и старалась непринужденно реагировать на ее реплики сквозь зубы. Но и свекровь, Нина Валентиновна, работала с утра до ночи в какой-то непонятной французской фирме и все деньги вносила в общий котел. То есть и она была воином в их маленьком отряде, пробивающемся к победе и миру. Их знаменем, смыслом, источником сил был маленький Артем, белокурый в папу, с золотистыми глазами – в маму, с ямочками на щеках, как у бабушки. Солнце, одним словом. Марина поцеловала розовую ножку, высунувшуюся из-под одеяла, и погрузилась в горячую волну нежности.

В спальне она с наслаждением потянулась под одеялом. До утра еще столько времени. Муж горячо прижал ее к себе и, целуя, произнес, как говорил почти каждую ночь:

– Я сегодня звонил насчет одного места… Ты знаешь, мне кажется, неплохое. Ты сможешь уйти с этой работы…

– Не надо, Саша. Не торопись. Давай пока ничего не менять. Я боюсь перемен. У меня хорошая работа, мне не трудно.

…Когда он уснул, она устроилась поудобнее, готовая, как обычно, сразу уплыть в желанный сон, но ей что-то мешало, как принцессе горошина. Она так долго старается не расшифровывать свое тяжкое предчувствие новой беды. Оно появилось с тех пор, когда взорвали машину с Виктором, заместителем президента их корпорации. Он был неплохим человеком, Марине казалось, что у него к ней особое отношение, но суть даже не в этом. Дело завели, однако

никаких версий не возникло. Никто вроде бы не заинтересован в том, чтобы найти убийцу и разобраться, в чем причина… Может, конечно, все так, как говорит Константин, президент фирмы и друг Виктора, – его по ошибке взорвали: хотели кому-то другому отомстить, или просто хулиганство… Но, кроме того, что Марине очень жаль Виктора, ей в последнее время постоянно не по себе. Как будто сигналит датчик рядом с источником радиации. Что-то не так. Баснословно крупная сумма, что повисла на счету их фирмы без движения и о которой нельзя говорить коллективу (Константин сказал, что он сам объявит, когда уладит некие организационные вопросы), – это плохо, отчетливо понимала Марина, несмотря на намеки Кости, как выгодна такая ситуация для них двоих. Марине ничего не нужно. Сейчас, ночью, когда мысли стали ясными, четкими, как открытия, она поняла, что надо срочно увольняться. Такую же работу с подобной зарплатой она найдет через пару дней без проблем. Да, надо уходить. Запах нечистых дел им с мужем слишком хорошо знаком. Повторения допускать нельзя. Она завтра же предупредит Константина о своем уходе. Доработает, пока он не найдет ей замену.

Марина почувствовала страшное облегчение. Как все просто решается. Вот теперь можно наконец уснуть. Она зарылась лицом в подушку и вдруг вспомнила своего сегодняшнего кавалера. Интересно, кто он на самом деле, этот Николай? Пожалуй, она еще не встречала столь необычного человека. Какой-то он не такой, как все. Она ему понравилась? Или он просто дурачился от нечего делать и больше они никогда не увидятся? Марина вспомнила, как он разглядывал ее в метро, и улыбнулась. Надо же. Поклонником обзавелась. А он ведь красивый мужчина… На этой крамольной мысли она уснула, совсем спокойная, почти счастливая.

Глава 7

Константин успел вздремнуть на супружеской круглой дурацкой кровати, которая его жене Ленке кажется страшно гламурной. Она явно помешалась, пытаясь не отстать в гламурности от давно свихнувшихся звезд. Каждая больная идея сопровождается углубленным поиском в Интернете, затем планомерным объездом самых элитных салонов, затем нудным проеданием Костиного мозга. В результате они становятся счастливыми обладателями очередной нелепой вещи. Как правило, Косте на это глубоко наплевать, но не в данном случае. У него не получается, к примеру, резко встать с этой кровати: он

теряет равновесие, как будто падает с земного шара. Что чуть не произошло сейчас, когда он проснулся от какой-то мысли, словно от удара, и рванулся, чтобы глотнуть чего-нибудь ободряющего. Он взял с полки бутылку виски, налил полный стакан, сел на маленький, уютный и устойчивый шелковый диван. Ленка с ним просто промахнулась: этот лежак похож именно на диван, а не на снаряд в спортивном зале. Костя залпом выпил сразу половину стакана и, по обыкновению, выстроил общую картину своих дел. Жена в Италии, что прекрасно. Сказочный заказ, можно сказать, в кармане, и это только начало… Поступившая сумма тому залог. Требуется лишь расчистить путь для будущих действий. И здесь он тоже строит правильную политику, кое-кто ему даже дал это понять. Виктор и Марина были необходимы на каком-то этапе и опасны для дела сейчас. То есть Виктор уже не опасен, дело о его гибели рассматривалось в нужном ключе и логично движется к архиву. Марина… Не самый сложный вопрос. Найден идеальный исполнитель. Этот Николай в тупике в смысле денег, с задачей справится однозначно, парень умный, сильный, есть опыт – все же служил в горячей точке. Полный пофигист, похоже. Сомнений у него не возникло. Нигде не работает сто лет, друзей практически нет, живет замкнуто, с родственниками почти не общается. Искать его никто не будет. По крайней мере – сразу. А найдут – не станут особенно горевать, всему поверят, побегут квартиру на себя оформлять. Все в порядке? Да нет же! Константин был не очень умным человеком, хотя не считал себя таковым. Но у него звериное чутье, это лучше, чем ум! И это чутье ему подсказывало, что этот Коля может… Нет, не соскочить. Он может захотеть переиграть его, Константина. Конечно, это почти нереально. Коля один, у него, Константина, люди и связи. Просто его люди не должны иметь отношения к тому, что произойдет с Мариной. Кто-то слишком прыткий может связать это с гибелью Виктора, заказом… Нужен именно разовый киллер. Такой, как Коля. Он не имеет никакого отношения ни к их делу, ни к Константину. Его никто не знает. Он бросил семью, сам познакомился с Мариной, у него на телефоне и компьютере ее снимки, посланные с номера, который больше не существует. Типичный маньяк. К такому выводу придет следствие. Что же не так? Геморройный мужик этот Кузнецов. Он разговаривает с Костей, как принц Монако с гориллой, спрыгнувшей с лианы… Или упавшей с круглой кровати. Да. У Константина не бывает личных эмоций, особых отношений, но этот человек ему нравился все меньше и меньше. Собственно, его не для любви и нанимали.

Костя допил виски, побродил по квартире, пока выпивка не растопила тревогу в груди. Вернулся в спальню, немного добавил, лег на кровать, покачиваясь на волнах полусна. И вдруг ему явилась Марина: яркая, улыбающаяся, соблазнительная… Костя покрутился, и вдруг… А почему нет? Пока киллер будет

готовиться, у Кости есть время. Теперь с ней можно не церемониться. Она считает себя принцессой! Теперь это точно уйдет с ней в могилу. Как и все остальное.

Глава 8

Коля подошел к офису, где работал Игорь Васильков, к началу обеденного перерыва. Игорь вышел из ворот через минуту. Все такой же: высокий, худощавый, чуть сутулый, с очень внимательным взглядом серых глаз и седым ежиком волос, которые стали такими в ту самую ночь, когда они случайно выжили. Он молча подошел к Николаю, они крепко пожали друг другу руки. Игорь кивнул в сторону, где была небольшая пивная.

Какое-то время они пили пиво с соленой рыбой, перекидываясь короткими фразами: «Ты как?», «Да ничего», «Жить можно», «Все путем»… Коле даже показалось, что они зря встретились. То, что было скрепленной кровью дружбой, как-то не звучало в обыденной жизни двух неудачников среднего возраста. Тогда казалось: если выживем… Ох, если выживем! Все будет на полную катушку, жизнь взахлеб. Но ни один из них не взял даже невысокого барьера. Коля вообще порог поленился переступить. Наверное, весь запал, вся жажда жизни остались там, где им приказали умереть.

– Моей мамы больше нет, – вдруг пожаловался Коля.

– Да ты что! – искренне огорчился Игорь. – Она ж у тебя такая… Была. Я помню все, что ты рассказывал. И если бы не она, может, мы из того котла на зону бы отправились…

– Да, мама необыкновенный человек. Все удивляюсь, как ее угораздило таких двух дегенератов родить, как мы с братом.

– Ладно. Кончай. Брата твоего не знаю, а ты у нас был самым умным, и прекрасно это знаешь. Любого мог переговорить.

– Да, переговорить – это мой конек…

Коля надолго замолчал. Игорь серьезно разглядывал его.

– Слушай, Колян, ты случайно не вляпался во что-то? Какой-то ты не такой. Много молчишь.

– Ну, как-то так. Случайно узнал о готовящемся преступлении… Я теперь исполнитель. Женщину одну нужно убрать как свидетеля. Не я, так другой… Я согласился. Деньги беру.

– В чем нужна помощь?

– Пока понятия не имею. Женщина красивая, похожую найти трудно. Время есть, но не очень много. Родственники должны ее опознать.

– У тебя будут большие проблемы.

– Они у меня уже есть, ты не понял? Я – разовый киллер.

– Да. Теперь по-любому не соскочить. Есть план?

– Да так… Наверное, нет.

– Сейчас сброшу тебе один свой телефон – он нигде не значится. Чуть что – звони. Подниму людей быстро. Я тут недавно тоже в одну историю попал. На предыдущей работе. Подстрелил грабителя, не насмерть – он должен был уйти. Я обязан был промахнуться. Меня взяли, обвинение предъявили: превышение и все такое… Ну, вроде мне показалось, что он сейф обчистил. Знаешь, кто помог? Николаев. Помнишь, полковник такой был у нас, от ордена отказался?

– Конечно. Серьезный мужик. А кто он сейчас?

– В отставке, владелец охранного агентства с большими правами.

– Какими?

– Ну, точно не скажу. Но есть связи с кем надо. Слышал пару историй: эмчээсников повязал за «неоказание» и сдал, сами их работу сделали, кого-то он вытащил, меня например, кого-то наказал…

– И за что такие привилегии? Вроде его начальство не сильно любило.

– Компромат он вроде держит. На кого надо.

– Надо на всех. Он что, им торгует?

– Думаю, просто держит. И молчит. Это дороже, чем торговать.

– Это – да. Интересно, он меня помнит?

– Тебя все помнят.

– Тоже верно. Своими ушами слышал, как Николаев спрашивал: «Где этот болтун и раздолбай Кузнецов?»

– Ну, видишь, – рассмеялся Игорь. – Такое не забывается. Мне пора. Хорошо посидели. Звони.

Из пивной они пошли в разные стороны. По дороге к метро Коля позвонил по телефону, который дал ему бывший коллега Степан, редактор «Богемы».

– Мне нужен Сергей Кольцов, частный детектив.

– Он вас слушает.

– Здравствуйте. Вам должен был позвонить Степан Кривицкий насчет меня. Моя фамилия Кузнецов.

– Он звонил. Можете приехать.

– Когда?

– Хоть сейчас.

Офисом частного детектива оказалось маленькое помещение в странном здании без вывесок, похожем на жилой дом без занавесок на окнах. Коля открыл дверь, ему навстречу поднялся белокурый и голубоглазый парень в джинсах, с искренним взглядом и приветливой улыбкой голливудского актера, которому платят миллион долларов за удачное выражение лица. Коля сразу сделал вывод, что доверять такому радостному тюфяку, как Степа из журнала «Богема», можно только от большой безысходности. Этот частный детектив, наверное, поставляет ему сведения, какого цвета трусы были на поп-диве Крыс-крыс в момент встречи с олигархом Обожратовым.

Кольцов пригласил его сесть, уставился в ожидании. Коля задумчиво молчал.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил Кольцов, которому, похоже, Колина заторможенность показалась чрезмерной.

– Вот об этом я сейчас и думаю. Не знаю, каковы ваши возможности, насколько будет защищена моя информация, с какого момента ваша полезность станет платной…

– В любом случае вы верите или не верите мне на слово. Ваша информация – моя профессиональная тайна, плата начинается с факта полезности. Детали обговариваются. Мы оба в любой момент можем расторгнуть договор. В криминале я не участвую.

– То есть вам кажется, что я похож на преступника?

– Мне пока вообще ничего не кажется. Я просто предупреждаю.

– Понял. А если, к примеру, я покажу вам фото девушки и попрошу найти очень похожую, но уже убитую?

– Вопрос интересный. Даже не ожидал. Это трижды криминал. Недонесение о готовящемся преступлении, подлог, укрывательство другого убийства.

– Спасибо. Я понял. Прошу прощения за то, что отнял у вас время.

Коля встал, они с Сергеем обменялись лучезарными взглядами и обаятельными улыбками, Кузнецов пошел к выходу, Кольцов вдруг его остановил:

– Подождите. А если поставить вопрос иначе: девушка, чье фото вы хотели мне показать, уже заказана? Есть обстоятельства, мешающие обращению в правоохранительные органы? Вам угрожает опасность?

– Да. Есть. Да. – Коля посмотрел на Кольцова с удивлением. Он не предполагал, что есть люди, способные выразить мысль яснее, чем он сам.

– Садитесь, – предложил Сергей, – я слушаю. В конце разговора могу отказаться в этом участвовать.

Рассказ оказался очень коротким и понятным, как дважды два равно двум трупам. Той женщины и этого клиента.

– Я согласен попытаться, – сказал Сергей. – Другого выхода, пожалуй, у вас нет. Здесь явно есть еще один уровень, о котором мы можем только догадываться, он раздавит вас везде. И ее тоже. Сразу скажу: точной копии жертвы мы не найдем. Поэтому нужны особые приметы. Родинки, шрамы… Это может появиться и после смерти.

Глава 9

Ольга Волкова, заведующая отделом инноваций одного чудом выживающего НИИ, ехала утром на работу в своем скромном «Опеле» и улыбалась. Она любила лето, ее гладкую смуглую кожу ласкали солнечные лучи, она надела сегодня новую белоснежную блузку с глубоким вырезом и белую джинсовую узкую юбку. Ольга считала себя оптимисткой, не находила в себе комплексов и предрассудков. Ей сорок пять, у нее не идеальная фигура – широкие бедра и талия, слишком полные ноги и почти плоская грудь. Но это всего лишь несоответствие определенным стереотипам, считала Ольга. Она смело носила короткие обтягивающие юбки и блузки-кофты с декольте. Оле было хорошо, она сегодня очень нравилась себе и сама с собой лукавила: притворялась, что ее просто радует летний день, а не спрятанный подальше секрет, который она

откроет, как футляр с новым украшением, потом, ночью, когда не останется других дел и мыслей. Она припарковалась у здания института, легко взбежала по ступенькам на свой третий этаж, быстро шла, улыбаясь, по коридору и одобрительно кивала слишком нарядным сотрудницам – коллектив у них был практически однополый. Оля очень доброжелательно относилась к своим более молодым и совсем юным подчиненным, но сегодня у нее были основания насмешливо оценивать тот факт, что они столь синхронно расфуфырились и разукрасились.

Она вошла в свой кабинет и перед тем, как приступить к работе, откинулась на спинку кресла, глубоко, удовлетворенно вздохнула. И опять немного схитрила сама с собой: будто дело лишь в том, что наконец у нее появилась возможность приступить к давно продуманной программе, на которую столько лет не давали финансирования. Теперь оно будет. Она проработала час плодотворно, с удовольствием, когда позвонил новый шеф.

– Доброе утро, Алексей Владимирович, – мелодично проговорила Оля. – Да, конечно, все на местах, все хорошо. А как у вас?

– У меня тоже неплохо, – ответил приятный мужской баритон с ненавязчивыми, вкрадчивыми интонациями женолюба. Не бабника – ни в коем случае, а именно тонкого ценителя и знатока женщин, который при любом контакте даст понять: мы – разные. Мы – полюса, которым суждено только стремиться друг к другу.

– Дают нам деньги?

– Конечно. Куда ж они денутся. Я буду через несколько часов, расскажу подробнее.

Оля положила трубку, посидела бездумно, потом достала из ящика стола зеркало, посмотрела, улыбаясь. Состроила себе гримаску: «Ну, прям человек, который смеется, честное слово. Что за дела». Дверь приоткрылась, и вошла Зина, младший научный сотрудник.

– Можно? Или ты занята?

– Занята и можно. Садись. Предлагаю кофе попить. Я как раз собиралась.

– Ой, пожалуйста, я сегодня с утра не успела – проспала.

Оля включила кофеварку, расставила чашки, сахарницу на журнальном столике у дивана, они одновременно с наслаждением вдохнули аромат, как законченные кофеманки, дуэтом сказали «ах!» и рассмеялись.

– Ну, что скажешь? – нетерпеливо спросила Зина.

– Если ты о финансировании, то все в порядке. Алексей Владимирович только что мне звонил.

– Здорово! Но я не про это. Что творится, ты замечаешь? Все будто немножко помешались. У меня в глазах рябит от нарядов и макияжа.

– Я считаю, все идет по хорошо продуманному плану.

– Что ты имеешь в виду?

– Новый директор приходит в женский коллектив никому вроде бы не нужного института. Видит, что настроение на нуле, надежд нет, желания думать, работать – тем более. Он начинает налаживать дело, как настоящий профессионал, но при этом понимает, что женщинам прежде всего требуется внимание. И он его оказывает, правда?

– Оль, он его не просто оказывает. Он каждый день кого-то к себе на дачу приглашает. Ты что, не знаешь?

– Я все знаю. И знаю, почему он это делает и как. Он хочет, чтобы каждая девочка и женщина считала себя выделенной, но эти приглашения так формулирует, что никто не поедет. Просто все будут мечтать и надеяться на большее. Алексей – очень умный человек и тонкий психолог. Я вижу реальный результат: за те несколько недель, как он у нас появился, люди не только наряжаться стали. Они стали работать! Да еще как. Глаз у каждой горит!

– Так. Понятно. Ты на самом деле не в курсе, оказывается. С чего ты взяла, что никто не поедет. Уже поехала! Вчера после работы к Васильеву на дачу поехала Виктория, и ее сегодня до сих пор нет.

– Что? – Оля улыбнулась растерянно и жалко. Может, она что-то не так поняла? – Виктория вчера никак не могла поехать к Алексею. То есть он не мог ее пригласить. Мы вместе с ним выходили вечером, и он сказал, что страшно устал, засыпает на ходу, едет отсыпаться.

– Оль, ну ты чего! Мало ли что он скажет. Тот еще кот. Вот он с ней и решил отсыпаться. Я сама слышала, как он ей позвонил, мы задержались обе, отчет доделывали. Он сказал, что звонит из машины. Что почти приехал к себе в Голицыно. Велел, чтобы она такси взяла, он оплатит.

– И что она?

– Подхватилась и поехала. Вот что она.

– Очень интересно, – натянуто улыбнулась Ольга. – Ой, Зинуль, я забыла, мне же сейчас звонить надо проектировщикам. Давай потом договорим, ладно?

– Давай, – обиженно пожала плечами Зина и встала. – Только сейчас нет ни его, ни Вики.

– Директор в министерстве, – холодно сказала Ольга.

– А Вике теперь, наверное, можно спать сколько захочется. У него. Она даже трубку не берет. Я звонила.

Когда Зина вышла, Ольга до боли закусила губу. Ей было физически плохо. Подташнивало, стали холодными руки. Кабинет заполнился туманом, в котором она отчетливо видела только их: стройного, элегантного Алексея с его мягким обволакивающим взглядом и чувственными губами и Викторию, самую красивую женщину в их институте. Сияющие волосы, зеленоватые глаза, длинные ресницы, выглядит на двадцать в свои двадцать восемь лет… Говорили, что у нее куча поклонников, а она выбирает. Значит, выбрала. Удачно. Он – перспективный муж и хороший любовник. Она это знает… Вчера утром они вместе вышли из Олиной квартиры, где провели ночь. Поэтому вечером он хотел только отоспаться… Как сказал ей, обманутой дуре.

Глава 10

Алексей Васильев, новый директор забытого богом НИИ, из которого он собирался сделать не просто научное, но и финансово выгодное предприятие, решил за несколько часов ряд очень серьезных вопросов. Подъезжая к своему институту, он ощущал приятную усталость и удовлетворение. Образованный и остепененный человек, со своей темой в науке, он, кажется, наконец нашел то, что искал. Он искал возможность, оставаясь в науке, использовать свои способности бизнесмена. Они у него есть, он проверял их не раз, просто его не устраивали ни купля-продажа, ни отмывание-зарывание денег, ни доход от мыльных пузырей. У него вменяемые потребности разумного человека, которому нужно то, что он способен заработать, делая действительно полезное и, главное, свое дело. Он взялся за этот институт, точно зная, какие перспективные разработки погребены там без движения под слоем пыли, и уверен, что очень скоро прежними и новыми работами заинтересуются очень многие.

Алексей вышел из машины, направился к зданию легкой энергичной походкой мужчины, о котором мечтают все женщины. Ну да, и это тоже. Ему нравится руководить женским коллективом. Он особенно не задумывался: слабость это, недостаток или, наоборот, достоинство, но все, что он делал, приобретало смысл, если в партере сидели аплодирующие влюбленные дамы. Поэтому его не устроила жизнь с одной женщиной, которая, став женой, быстро перегорела, свела отношения к тоскливым претензиям и утомительной ревности. Об аплодисментах речи не было. Алексей оставил ей квартиру, переехал в загородный дом и вывел аксиому: женщины хороши в букете.

Он вошел в свой кабинет, позвонил секретарше, чтобы принесла ему кофе, сделал несколько важных звонков. Потом пригласил к себе Ольгу Волкову.

– Ну, здравствуй, – сказал он ей, обласкав своим темным горячим взглядом. – Ты прекрасно выглядишь. Кофе выпьешь?

– Нет, спасибо. Уже пила.

– Мы могли бы где-то пообедать. Обсудили бы все в общем и кое-что в частности. Последнее тебя должно заинтересовать, – улыбнулся он многообещающе.

– Да? Алексей Владимирович, вас не затруднит обращаться ко мне на «вы» и по имени-отчеству. Вы – директор, я – заведующая отделом, вы – не мальчик, я – не девочка. Хотелось бы без фамильярности.

– Я не понял: мы на общем собрании или у вас, Ольга Витальевна, что-то с нервами?

– Второе. Когда мужчина говорит женщине: «У вас что-то с нервами», он имеет в виду ранний климакс. Думаю, это наш случай. Сей факт не помешает нам вместе работать?

– Да нет, не помешает. Тем более что я утвердил вас на должность своего заместителя по инновациям. Другой оклад, между прочим. Об этом, собственно, я и хотел сказать. Ну, раз вы не в духе, значит, не в духе. Вообще-то бывают женщины, которые считают, что совместно проведенная ночь – повод для истерик. Я этого не люблю, между нами.

– Опыт у вас, конечно, большой. Мне интересно, сколько раз он проверялся в нашем институте?

– Вы о чем?

– У нас остались не охваченные вашим вниманием сотрудницы, которых вы еще не приглашали к себе на дачу?

– Я приглашаю, – рассмеялся он. – Но я же объяснял: никто не принимает это всерьез. Все в шутливой форме, если и возникнет мысль, что это серьезно, любая женщина будет ждать повторного приглашения. Так мне кажется.

– Какая стройная теория. Можно открывать другой институт для ее проверки и продвижения в жизнь. Дело в том, Алексей, что ты утром забыл разбудить Викторию. И теперь все в курсе. Коллектив все-таки женский.

– В каком смысле – забыл разбудить? Я что-то ничего не понимаю.

– Как правильно назвала тебя сегодня… одна сотрудница. Кот! Зачем ты хитришь, выкручиваешься, я же тебе никто. Мне просто противна эта ситуация,

но я забуду о ней через минуту. Меня это не касается.

– Подожди, Оля. Я действительно вчера позвонил Виктории, спросил в шутку, не хочет ли она ко мне приехать. Она рассмеялась и сказала, что приедет. Никто из нас не произнес слова «сегодня». То есть мы не договаривались конкретно. Думаю, кто-то был рядом и тебе рассказали. Но я понятия не имею, где Виктория сейчас. Ее нет на работе? Позвоните ей!

– Ей звонили. Телефон не отвечает. Полагаю, вы не договорились о том, что она должна нам сказать.

– Виктории не было у меня! Ты глухая?

– Я не глухая, я глупая, с твоей лапшой на ушах об умении управлять женским коллективом. На самом деле это прикрытие банальной по сути мерзости. Спасибо за повышение. Завтра приступлю к своим обязанностям. Сейчас, прошу прощения, поеду домой. Помыться хочется. У меня взрослый сын, а я чувствую себя извалявшейся в грязи уличной девкой.

Ольга вышла, хлопнув дверью. Алексей слушал быстрый топот ее каблуков. Потом подошел к окну и увидел, как она садится в машину и уезжает. Он вышел из кабинета и направился в отдел, где работала Виктория Князева. Ее не было на месте.

– Где Князева? – спросил он у Зины.

– Я не знаю. – Зина посмотрела на него насмешливо и лукаво.

Алексей резко повернулся и вышел. У себя он сел за стол и задумался. Прокол жуткий. Он действительно заигрался. Решил завести ни к чему не обязывающий флирт с целым женским коллективом. А в этом деле нужно всегда быть начеку. Можно обнаружить себя не в цветнике, а в клубке змей. И из-за дурацкой слабости разрушить дело, которое только начал поднимать. Он почувствовал неприятную усталость. Поработал еще пару часов, сказал секретарше, что едет по делам, а сам отправился домой. Вспоминал по дороге вчерашний вечер. Он заглянул перед уходом с работы во все отделы, увидел, что Виктория и Зина застряли с отчетом, попрощался, Князева посмотрела на него томным, зовущим взглядом. Он вышел из института вместе с Ольгой, пожаловался ей, что очень

хочет спать, намекнув нежно на проведенную вместе ночь. Поехал к себе, действительно мечтая отоспаться. По дороге подумал, как хороша Виктория, сделал свой коронный звонок «не хотели бы вы ко мне приехать». Она мило ответила: «Я как раз об этом мечтала». И все! То есть это был чистейший и невиннейший флирт мужчины и женщины. Просто она могла оказаться более опытной, чем он думал, и сообщить всем, что поехала к нему… отправившись к кому-то другому. И теперь он зависит от того, как она поведет игру дальше. Все это похоже на неприятность. Особенно реакция Ольги. Как резко, жестко она с ним говорила.

…Вечером Ольга, наглотавшись снотворного, бродила по квартире, не решаясь лечь в кровать. Она точно знала, что уснуть все равно не сможет. Ее мучили стыд, унижение, ревность… Она не сразу услышала звонок в дверь, потом медленно пошла открывать, растрепанная, в халате. На пороге стоял Алексей. Оля впустила его, потянулась к выключателю. Но еще до того, как загорелся свет, увидела, что он смертельно бледен.

– Оля, прости, я приехал, потому что ничего не соображаю. У меня на террасе лежит Виктория. Она убита выстрелом в затылок. Лицо… Никто, кроме тебя, не поверит мне. Ее не было у меня вечером, ночью. Ее там не было утром, когда я уходил! Неужели ты думаешь, что я мог, она бы… Ну, что это все значит?!

– Господи. – Ольга прислонилась к стене. – Это правда? Тебе не померещилось? Я выпила снотворное, плохо соображаю. Может, ты сумасшедший? Или действительно в какую-то беду попал… Что ты сделал?

– Оставил ее и поехал к тебе. Мне не с кем посоветоваться. Я хотел вызвать полицию, но меня же заберут… Как я докажу, что это не я убил?

– Поехали, – решительно сказала Ольга. – Если Вика там, если она действительно мертва, нужно ее отвезти подальше, в другое место… Родственники будут искать, наверное… Главное, чтобы нашли далеко от твоего дома. Зинка уже небось всему институту рассказала, что ты пригласил Вику к себе. Давай это сделаем, потом будем думать, как быть дальше.

– Спасибо, – кивнул он. – Мне хотелось, чтобы ты это предложила. Я сам не мог принять решение. Только теперь я попробую действовать без тебя. Нельзя тебя вмешивать в такое дело.

– Да чего уж… Иду в соучастницы. Я верю, что тебя кто-то страшно подставил. Кое-что слышала о таких вещах. Мой отец – отставник МВД. Он всегда говорит, что все тайное станет явным, просто надо уметь этого дождаться. Для чего нужна как минимум свобода.

Глава 11

Это была кошмарная, ирреальная ночь. Они оба действовали как роботы, но Оля старалась фиксировать и запоминать все детали. Ворота дома Алексея закрывались на крепкий замок, но сам забор перемахнуть было несложно. Дом одноэтажный и в то же время достаточно комфортный и современный. Вход на террасу свободный.

…Это была, конечно, Виктория Князева. В своем любимом ярко-розовом костюме с узкой юбкой и приталенным жакетом: сзади на шлице – волан из черных кружев. На ногах черные туфли на очень высокой шпильке. Она лежала лицом вниз… Затылок – страшная рана. Лицо… Пули прошли навылет.

– Мы сами не определили, ее привезли мертвой или убили здесь. – Оля пыталась говорить спокойно. – Это сможет установить только эксперт. Эти пятна, волосы должны быть в любом случае, но, если ее застрелили здесь, где-то есть пуля. Нам нужно потом все очень тщательно осмотреть и убрать. Принеси, пожалуйста, простыню или одеяло. Ты сможешь ее завернуть и донести до машины?

– Да, – сдавленно ответил Алексей.

Они выехали со двора, Алексей закрыл ворота, медленно двинулись по поселку. Никого не было. Он ехал по Минскому шоссе, вел машину так осторожно, как будто боялся повредить тело мертвой девушки в багажнике.

– Она была холодной? В смысле – окоченение уже наступило, когда ты ее нашел? – с трудом произнесла Ольга.

– Я не знаю, – испуганно взглянул на нее Алексей. – Я просто ничего не чувствовал.

– Понятно, – кивнула Ольга. – Я к тому, чтобы прикинуть время убийства. На всякий случай.

– На какой? – Алексей явно паниковал.

– Не знаю. Викторию будут искать. Нас опрашивать. Нам нужно точно знать, что говорить. И потом, во время следствия… Леша, не смотри на меня такими дикими глазами. Следствие непременно будет, ты сам понимаешь.

Алексей съехал на обочину и остановил машину. Руки его тряслись.

– Оля, я не выдержу. Мне уже кажется, что мы совершили ошибку. Нужно было звонить в полицию. Думаю, мы сейчас все усугубляем. Пока она лежала у меня на террасе, можно было говорить об убийце, избавившемся от тела. Сейчас я выгляжу этим убийцей. Более того, я втягиваю тебя в соучастие. И вообще – сокрытие, недонесение… Это ведь само по себе преступление! Может, нам вернуться?

– Поздно, – жестко сказала Ольга. – Сейчас слишком легко определить, что мы ее куда-то пытались везти. Ты поднимал ее, на ней могут остаться ворсинки твоего пледа, следы в багажнике. Обилие деталей для опытного следователя. Надо делать то, что решили. Потом помыть багажник, твою террасу и успеть вернуться ко мне до утра. Я буду твоим алиби. Мы скажем, что ты ночуешь у меня третью ночь. Тебя это не слишком уронит в глазах коллектива?

– Мне нравится твое чувство юмора, – пробормотал Алексей. – Оно уместно. Поехали.

Они двигались без плана, по наитию. Через час проехали большой коттеджный поселок по Киевскому шоссе примерно в ста километрах от МКАД.

– Давай где-то здесь, – предложила Ольга. – Тут ее быстро найдут.

За оградой последнего дома начиналась лесополоса. Они остановились на проезжей части метрах в пятидесяти от поселка. Вышли из машины. Было совсем темно. Алексей вытащил из багажника завернутое в плед тело, положил недалеко от дороги. Сразу отдернул руки и повернулся, чтобы идти к машине. Ольга его остановила.

– Леша, плед! Забери плед. Мы выбросим его по дороге. И… ты можешь посмотреть, нет ли у нее на костюме карманов?

– Зачем?

– Ну, как ты не понимаешь… Документы, телефон. Мы должны знать, что при ней есть. Ведь сумки не было!

Алексей медленно вернулся к трупу. Ольга подошла вслед за ним. Он осторожно развернул плед. Девушка лежала лицом вниз, как у него на террасе. Он осторожно перевернул ее на спину, провел руками по юбке, жакету, поднялся и показал Ольге носовой платок.

– Вот! Маленькие карманы… Больше ничего.

– Ее духи, – сдавленно сказала Ольга. – Положи платок обратно.

Она быстро наклонилась и коснулась ноги Виктории. Ладонь обожгло холодом смерти. Это все, что Ольга смогла определить, и с трудом сдержалась, чтобы не побежать к машине.

Они вернулись к его дому задолго до рассвета. По дороге остановились, чтобы выбросить плед на свалке. Во дворе молча, тщательно отмывали машину, террасу и ступени Ольга драила, ползая на коленях с тряпкой, это вернее, чем швабра. Пули она не нашла. Тряпку сунула в полиэтиленовый пакет. Затем спросила у неподвижно стоящего у ступенек Алексея:

– У тебя есть фонарь?

– Зачем?

– Нужно поискать вокруг террасы хотя бы. Вдруг что-то найдем. Пистолет, сумку, телефон…

Он достал из одного шкафчика маломощный фонарик, она ползала с ним вокруг террасы, чувствуя, что теряет сознание… Ничего не нашла.

Когда они шли к машине, их качало от изнеможения. В квартиру Ольги поднялись, когда небо посветлело. Она молча протянула Алексею чистое полотенце, он отправился в ванную. Она достала из бара бутылку коньяка, выпила пару глотков из стакана, закурила. Он вышел почти дымящийся после очень горячего душа, завернутый в полотенце.

– Извини, что я так, немного привел в порядок одежду.

– Нормально. Я дам тебе халат. Выпей.

Ольга тоже долго без мыслей стояла под душем, потом чистила зубы и умывалась холодной водой. Ее преследовал запах духов Виктории, который казался ей запахом смерти. Он стал таким… В любом случае эти духи отныне будут для нее ненавистными. Она влезла в махровый халат, вышла в гостиную. Алексей сидел перед пустой бутылкой коньяка и смотрел абсолютно трезвыми глазами.

– У тебя больше нет ничего спиртного? Не действует.

– На кухне есть водка. Сейчас принесу.

Она молча принесла бутылку, разлила по широким стаканам, выпила вместе с ним большими глотками не меньше половины, стараясь не чувствовать ни запаха, ни вкуса. Она терпеть не могла водку, держала ее в медицинских целях – дезинфекция, компрессы и все такое. Сейчас пригодилась. Сердце потеплело, дышать стало легче, в висках запульсировала кровь. Ольга взглянула внимательно на Алексея.

– Как ты?

– Плоховато, – вымученно улыбнулся он.

– Я спрошу один раз, больше не буду к этому возвращаться. Алексей, ты действительно ее не убивал?

Он не удивился вопросу, какое-то время молча смотрел в свой пустой стакан.

– Зачем мне ее убивать?

– Я не знаю, что предположить. Ты мог ее знать раньше. До того, как пришел к нам. Вас могло что-то связывать. Ты мог ее убить, к примеру, из ревности, из мести, из страха какого-то разоблачения… Вариантов масса.

– Хорошо, что ты это сказала, а не подумала про себя. Такие вопросы возникнут, видимо, у любого. Но зачем в этом случае мне посвящать во все тебя? И зачем ее убивать у себя на террасе?

– Я не знаю, где она была убита. А насчет меня – идея отличная. Это я предложила ее вывезти, и я – твое алиби.

…Утром они вышли из дома, как два изгоя, связанные тайной, до которой им самим страшно дотронуться.

Глава 12

Коля медленно шел к скамейке, на которой вчера ждал Марину, когда зазвонил его телефон. Он ответил, не глядя на определившийся номер, и немного удивился, услышав детский голос:

– Здравствуйте. Вы где?

– А… Понял. Это Егор и Грэй. Я, собственно, к вам подхожу. К той скамейке, где вы сидели вчера.

– Хорошо. Мы и сейчас там.

Коля приблизился к скамейке, остановился. На него смотрели, не моргая, красивые зрячие глаза пацана и слепые глаза овчарки – с абсолютно одинаковым выражением! Они оба видели не его. Они смотрели на свою надежду: вдруг появятся радость, счастье, приключение, каких им еще не доводилось встречать в жизни… У Коли странно дрогнуло сердце. Он всегда был уверен, что не любит детей и собак терпит только на большом расстоянии. А тут с ним… Что-то похожее на сентиментальность. Она забавно сочетается с той работой, которую он добровольно себе нашел.

– Привет. – Коля протянул мальчику руку. Тот встал, и они обменялись рукопожатием.

– Вы опять пришли ту тетю встречать? – спросил Егор, устраиваясь рядом с Колей на скамейке.

– Да. Можешь говорить мне «ты». Я – недоросль.

– А что это такое?

– Ну, лет вроде много, а по уму, может, меньше, чем тебе.

– Это хорошо. – Мальчик широко улыбнулся. – Вы… ты любишь компьютерные игры, гамбургеры и мороженое?

– Черт, даже не знаю. Понимаешь, я такой странный недоросль, что ничего не люблю. Ну, иногда хочу, конечно. Сейчас бы съел гамбургер с мороженым, к примеру. Не сбегаешь в тот магазин? Купи нам чего захочешь. Я подержу Грэя.

– А если тетя выйдет без меня?

– Подождет. Но еще рано. Ты успеешь.

Егор взял тысячу и побежал в магазин. Вернулся, задыхаясь от спешки и волнения.

– Гамбургеров не было. Я купил хот-доги – четыре – и два мороженых.

– Молодец. Хот-дог переводится «горячая собака», знаешь?

– Нет. А почему?

– Потому что умных людей мало. Таких, как мы с тобой. Давай ешь.

– Вот сдача.

– Оставь себе. Пригодится.

– Мама говорит, сдачу нужно отдавать до копейки.

– Ей отдавай. А это – наша общая касса будет у тебя.

– Да? – Мальчик улыбнулся.

Когда он начал есть, Коля понял, насколько пацан голоден. Сообщил лениво, что сам есть не будет, вспомнил, что пойдет с девушкой в ресторан. Егор честно скормил две сосиски овчарке, сам стал быстро есть остальное, отвернувшись. Он стеснялся своего голода. Когда Егор принялся за мороженое, из офиса стали выходить первые сотрудники.

– Она, наверное, сейчас выйдет, – сказал Коля. – Ты ешь и мое мороженое. Завтра встретимся или созвонимся. Расскажешь о себе подробнее. Даю тебе такое задание. Если я завтра не приду, посмотри в это время отсюда или с балкона, не ждет ли эту девушку другой дядя, хорошо?

– Хорошо, – радостно сказал Егор. – Я целый день буду смотреть!

– Ну, без фанатизма постарайся, – сказал Коля, поднялся и пошел навстречу Марине.

Она была сегодня в темно-синем облегающем платье из тонкого шелка. Она не улыбнулась и даже не ответила на его приветствие, просто просияла навстречу своими глазами с золотыми отблесками. «Авантюрин», – мелькнуло в голове у Коли. У мамы было много книг по геммологии. В одной из них написано: «Авантюрин связывают не только с приключениями и страстью к игре. Его в

большей степени связывают с чистой любовью».

– Ничего, что я опять тут случайно оказался? Кстати, авантюрин от слова «случайность».

– Никаких проблем, – улыбнулась Марина. – А при чем тут авантюрин?

– Твои глаза, – пожал плечами Коля. – А что, я первый это сказал?

– Точно не знаю, но, кажется, да.

– Я такой. Слушай, давай зайдем в то кафе? Выпьем по бокалу вина, кофе…

– Ой, это безумно дорогая, бестолковая кафешка. Мы никогда туда не ходим. Неподалеку есть нормальная кофейня, я бы туда зашла… На десять минут.

– Давай в бестолковую, а? Свалились деньги на производственные расходы, суть которых мне неясна. Но не исключено, что они на поддержание жизненного тонуса.

– Ты меня заинтриговал, – согласилась Марина. – Мне сейчас актуально знать, где безработным выдают пособия для поддержания тонуса.

Они пришли в очень приличное заведение, выпили по бокалу отличного вина, Марина с наслаждением вдохнула аромат чудесного кофе. И только тогда Коля небрежно уточнил:

– Откуда интерес к пособиям для безработных?

– Заявление написала об уходе, – беззаботно сказала Марина. – Через две недели – свободна…

– Через две недели, – невыразительно пробормотал Коля и посмотрел на нее, румяную, безмятежную, жизнерадостную… И вдруг будто со стороны увидел их вместе, как через перевернутый бинокль: крошечные силуэты, готовые исчезнуть. «Я не могу ждать две недели, – понял он. – Потому что это слишком долго. Нужно их опередить. Времени у меня несколько дней от силы».

Глава 13

Сергей Кольцов без предупреждения приехал в мединститут. Дверь заведующего кафедрой патологоанатомии профессора Масленникова была еще заперта. Сергей с задумчивым видом прогуливался по коридору. На самом деле он ни о чем толком не думал. Прикидывал, на какой минуте Александр Васильевич, специалист по особо важным экспертизам, скажет: «Сережа, ты сам прекратишь валять дурака или будешь ждать, когда тебя остановят?»

Масленников показался в конце коридора, высокий, худой, как всегда, очень сосредоточенный, молча пожал Сергею руку своей сильной, сухой от постоянной обработки разными растворами ладонью с тонкими, пожелтевшими пальцами запойного курильщика. Они вошли в кабинет, Александр Васильевич посмотрел на часы, кивнул Сергею на стул, сам сел за стол.

– У меня есть минут двадцать. Что-то срочное?

– Да нет. Я бы позвонил. Просто был недалеко…

– Так. Этот запев я слышал. Давай по делу.

– Да? Не знаю даже, как изложить красиво. Ну, суть такая. Одну молодую женщину заказали странному чуваку, который всего лишь хотел по-легкому немного бабла срубить. Дело даже не в том, что женщина оказалась красивой и ему понравилась. Дело в том, что ему уже не соскочить. А ее все равно убьют.

– И что с этим можно поделать, как ты считаешь?

– Я, как всегда, считаю только до трех. Он, этот чувак, придумал – выдать всем готовую, похожую на нее покойницу… А заказанную даму спрятать. Вместе с собой, видимо.

– Не верю своим ушам. Это слишком даже для тебя. Ты такого клиента заимел? Сережа, ты здоров?

– Ну, почему сразу клиент… Нет, конечно. Просто интересно: а что ему делать на самом деле?

– Если он обратился к законопослушному частному детективу, стало быть, готов сотрудничать и со следствием. Которому и должен сдать заказчика. Тебе про такое в детском саду не рассказывали?

– Именно там и рассказывали. А как вам кажется, сколько дней, часов или минут продержит этого заказчика наше самое надежное следствие в лице друга Славы Земцова? Если он от любви ко мне возьмет добропорядочного бизнесмена, поверив неизвестно кому? И на основании чего он его возьмет?

– Я понимаю ситуацию, но ты прекрасно знаешь, как надо действовать в таких случаях. Имитация убийства, заказчику показывают смонтированные фото, киллер в это время уже под охраной…

– Я читаю криминальную хронику. Тут это не прокатит. Заказчику снимки не нужны. Жертву должны опознать и похоронить родственники, киллер к этому моменту уже будет лежать на одном из столов ваших моргов. Я, наверное, не с того начал. Мне не то чтобы сильно хотелось хватать идиотов над пропастью во ржи. Просто надо из любопытства посмотреть кое-что на действующих лиц. Этот заказчик вот так – с ходу – Земцову не по зубам. Там просматривается сделка… на таком уровне… Он или выйдет из парадного входа в то время, как Славу выметут с черного, или тихо скончается в камере от дурного сна. Женщина – свидетель сделки и киллер исчезнут, как и было намечено.

– Что собой представляет этот киллер?

– Ни разу не киллер. Подобран идеально. Искать его никто не будет. Одиночка, бездельник, с большой придурью… При этом был в горячей точке, мать оттуда вытащила. Она умерла, мальчик – сорок лет – захотел кушать, дядя ему сказал: есть работа за хорошие деньги. Хлопот на пять минут, потом десять лет загорай на Мальдивах.

– Не вижу возможности ему помочь. Вижу лишь твои большие неприятности. Ты пришел рассказать мне эту интересную историю или у тебя появилась какая-то идея?

– Ну, не идея, конечно. Просто времени нет… Вот вы сказали: имитация убийства. То есть законная практика. Возможны варианты в целях спасения, так сказать… То, что этот парень придумал. Он совсем не дурак, если честно. Другая, уже убитая женщина, которую еще не ищут, а может, и не будут искать. Такого же возраста, роста, веса, такого цвета волосы с какой-то особой приметой, которая может появиться… Ну, я так, в порядке бреда.

– Это самый безумный бред из всего, что я от тебя слышал.

– Ну да. Понимаю. Хотя можно в идеале разрушить один преступный замысел и заодно расследовать другое убийство. Но мы не можем, поскольку есть рамки дозволенного. А нам дозволено остаться в стороне.

– Ты пойми меня правильно: не в стороне, а не лезть вообще во все это.

– Я правильно понял. Спасибо. Сам так думаю. Потом задним числом без опасений возьмем заказчика. Будет на чем. Отомстим, как Робин Гуды. Он ответит по закону, а мы минуту помолчим в память о невинно убиенных…

Сергей встал, улыбнулся Александру Васильевичу, пожал ему на прощанье руку.

– Да, посмотрите для иллюстрации моего глупого рассказа. – Он нашел фото на своем мобильнике. – Это она, Марина Романова. Ему дали на все про все две недели максимум. Три дня уже прошло. У нее маленький ребенок.

Масленников молча взглянул на фото, кивнул Сергею на прощанье. Когда тот вышел, какое-то время сидел неподвижно. Морщина между бровями стала глубокой и темной, как шрам. «Это невозможно», – сказал он себе и пожал плечами.

Глава 14

Петр Князев поздним утром прошлепал босыми ногами по сверкающим полам своей недавно приобретенной и отремонтированной за десять миллионов рублей квартиры, все еще по привычке цепко оглядываясь: не хватало еще, чтоб

халтурили за такие деньги. А ведь норовили! Но с ним такие номера не проходят. Он вошел в огромную светлую кухню, где жена Вера ставила на стол стакан свежевыжатого грейпфрутового сока. Она считает, что это не даст ему набрать вес. Она просто начинена глупостями, вычитанными в Интернете. Но если это никому не мешает – ради бога, считал Петр. Тем более ему этот сок нравится, особенно после поздних деловых встреч. Он по-хозяйски сжал ее плечо, коснулся уже заметного животика.

– Вика на работе? – спросил он, усаживаясь за стол.

– Наверное, – пожала плечами Вера.

– Ты что, ее не видела?

– Она не ночевала дома.

– Что за дела… – Петр со стуком поставил на стол стакан с соком. – Ну, хоть бы позвонила, что ли, для разнообразия.

– Для какого разнообразия, Петя? – пожала плечами Вера. – Твоя дочь очень часто не ночует дома. Она полагает, что это в порядке вещей. Ну а считаться с нами…

– Ты хочешь сказать, что она не считается с нами?

– А ты хочешь сказать, она считается?

Петр какое-то время внимательно смотрит на лицо жены, обычно добродушное и симпатичное. Круглое, вздернутый носик, большие серо-голубые глаза. Он пытается сообразить: она переживает из-за того, что Вика с ней не считается, беспокоится за нее или просто не любит? Ему ужасно не нравится мысль о том, что его дочь и жена, почти ровесницы, с трудом друг друга выносят. Конечно, надо было подумать о том, чтобы купить Виктории отдельную квартиру. Но он привык к тому, что девочка у него на глазах. Ее мать погибла в автокатастрофе, когда Вике было три года. Из-за этого они все время жили с мамой Петра. Эту квартиру он купил, когда женился на Вере. И он, и его мама, и, главное, сама Виктория решили, что она должна жить здесь. Дочь – модная девушка с

амбициями, ей нравится в этой огромной квартире, в центре, ей так удобно. Петру, конечно, нравится думать, что дочь не хочет расставаться с ним. Он никогда не умел разговаривать с ней по душам. Ну, как говорят с дочерьми матери.

– Вера, чего ты хочешь? Чтобы Вика докладывала, когда не собирается ночевать дома? Или тебе вообще не по душе, что она с нами живет?

Это были риторические вопросы, Петр ел свой омлет с беконом в полной уверенности, что Вера не ответит, потому что ни один утвердительный ответ его не устроит. Но она ответила! Он чуть не подавился от удивления.

– Мне не нужно, чтобы женщина практически моего возраста сообщала мне, с кем собирается провести ночь. Но меня не устраивает то, что она с нами живет! Это ненормально при ее поведении. У нас, между прочим, ребенок родится. Какой будет для него пример? И вообще, мне кажется, она просто издевается над нами.

– Ты в своем уме? Какое поведение? Какой пример? Как она над тобой издевается? Она целый день работает, потом куда-то едет отдыхать. Ну, встречается с кем-то. Слушай, в этой квартире может жить еще пять человек и вообще не встречаться, если им не хочется. Моя дочь – полусирота, она всегда жила со мной. И будет жить здесь, пока не захочет уехать сама. В отдельную квартиру или к мужу. Ты это прекрасно знаешь… Черт тебя побери. – Петр швыряет салфетку на тарелку, вскакивает из-за стола и на ходу добавляет: – Ты становишься идиоткой!

Вера смотрит ему вслед, сжав от волнения руки, сердце ее колотится, но она рада, что завела этот разговор. Когда-то до него должно дойти! Он просто не хочет видеть и понимать очевидные вещи. Он женился на молодой женщине, они ждут ребенка. А Виктория… Нет, конечно, если бы она была маленькой девочкой, Вера бы, может, к ней и привыкла… Но она – взрослая женщина. А в доме должна быть одна хозяйка. Не то чтобы Вика вмешивалась в дела семьи, она действительно мало бывала дома. Но когда у них собирались гости – это самые унизительные для Веры моменты, – они делали комплименты только Виктории. Она красивее, она светская, она свободная, в конце концов… Вера прижала ладонь к своему животу. Это добавило ей решимости. Она права! Она боролась за свой дом и свою семью. И Вика ее семьей не являлась. Интересно, Петр хоть приблизительно знает, сколько любовников у его «полусироты»?

Сколько мужиков, кроме него, готовы ее пожалеть и предложить свои квартиры, дома? Но ей пока неохота уходить. Ей удобно ни в чем себе не отказывать и оставаться папиной дочкой. Она на примере Веры могла видеть, каких усилий от женщины требует семья.

Петр вошел, уже одетый, в свой кабинет, чтобы взять папку с документами. Невольно посмотрел на огромный портрет дочери. Ей здесь лет пятнадцать. Она стоит вполоборота между берез, вся в солнечных бликах, и лукаво, нежно улыбается. Она всегда была лучше всех. Он страшно ею гордился, ни в чем, естественно, не отказывал и даже стеснялся своей неуклюжести и непродвинутости. Все, чего он добивался, он делал ради нее. Она получила хорошее образование, он ничего не понимал в ее работе. Химия, биология. Его мама научила ее гордиться своим образованием, интеллигентностью. Поэтому дочь всегда брезгливо отвергала его предложения работать в богатой коммерческой фирме. «Я – ученый, – говорила Вика. – Я – не торговка». Когда у них появились деньги, их солидные знакомые заметно робели при контакте с Викой. То, что она знала, о чем говорила невзначай, для них это был космос. Она могла позволить себе получать гроши в НИИ, пока папа ее обеспечивает. А муж для такой девушки как-нибудь найдется. Только когда она стала взрослой, Петр позволил себе жениться. И вот что получается.

Он вышел из квартиры, не попрощавшись с Верой, сел в машину, хотел было набрать Вику, но вдруг вспомнил, как язвительно Вера спросила: «А ты хочешь сказать, что она с нами считается?» Он передумал звонить. Вообще-то могла бы и сама позвонить отцу. Она звонит, конечно, но лишь в тех случаях, когда ей что-то нужно. «Плохое утро», – подумал Петр и переключил свои мысли на работу.

Глава 15

Он вернулся в тот вечер раньше, чем обычно. Что-то мешало ему целый день. Некогда было вникать, пока не сообразил: Вера ни разу ему не позвонила. Она обычно звонила не меньше трех раз. Спрашивала, что приготовить, когда он приедет, говорила, как себя чувствует. Он отвечал коротко, на ходу, чаще всего: «что хочешь», «мне все равно», «не знаю, когда приеду». Но сами по себе эти звонки стали ритуалом, показателем, что все в порядке. Раз не позвонила, значит, всерьез обиделась. И ее можно понять. Он грубо с ней говорил, она в

положении… И вообще, в чем-то, наверное, Вера права. Она вышла замуж за человека, который старше ее на пятнадцать лет, она хочет больше внимания, защиты, что ли… Вера не может принять, что Виктория для него ребенок, что он, как привык, готов защищать только ее. В том числе и от Веры. Это действительно несправедливо. Виктории, похоже, давно наплевать на его отцовские чувства. Судя по тому, каким она пользуется успехом у мужчин, защитников у нее достаточно. Но она продолжает жить с ними и могла бы немного уважительнее относиться к его жене. Когда Петр женился, он вообще мечтал, что Вика с Верой подружатся, как сестры. Он никогда толком не понимал женщин. Сейчас, когда его мучило чувство вины по отношению к жене, он испытывал раздражение, думая о Виктории. Он посвятил ей свои лучшие годы, она стала взрослой прекрасной женщиной, но пальцем не шевельнула для того, чтобы его семейная жизнь сложилась счастливо. Она не относится к Вере плохо, она никак к ней не относится! Как будто это очередная домработница в доме. А Вера на седьмом месяце. Недавно она говорила, что споткнулась на улице, чуть не упала. Потом долго не решалась сдвинуться с места из-за того, что сильно потянуло внизу живота, она испугалась, что может потерять ребенка. Он тогда не обратил на это внимания, сказал: «Да брось». А сейчас ему стало страшно. Так же действительно бывает. И даже его мама постоянно говорит по телефону: «Главное, чтоб она не нервничала. Это очень вредно для ребенка».

Петр быстро вошел в подъезд, но не успел нажать кнопку лифта: из него вышли мужчина и женщина в синих халатах «Скорой помощи» и направились к выходу. Он так растерялся, что не успел у них ничего спросить: у него по жизни была замедленная реакция. Но он не сомневался, что они вышли из его квартиры. Он влетел в лифт, поднялся на свой четвертый этаж, открыл ключом дверь… Вера его не встречала! Не было ее и на кухне. Он обнаружил жену в спальне на кровати, она лежала с закрытыми глазами, а на тумбочке на подносе были какие-то ампулы и использованные шприцы. Он застыл, не зная, как поступить. То ли звонить матери, чтоб приехала, то ли попробовать разбудить Веру: точно ли она спит, а вдруг это обморок…

– Петя, – слабым голосом сказала Вера, открывая глаза. – Не пугайся. Мне стало нехорошо, я вызвала «Скорую». Ты же знаешь, как я боюсь, что…

– А что они сказали? Почему оставили тебя одну? Почему ты не попросила их мне позвонить?

– Они сделали уколы, видишь, ампулы лежат… Сказали, что ничего страшного, мне стало лучше… Я за целый день крошки не могла проглотить, наверное, в этом дело. И не приготовила тебе ничего.

– Я сам приготовлю. Ты хочешь есть?

– Ты знаешь, сейчас, когда уколы подействовали, я бы… Нет, есть не хочу. Вот чего-то кисленького попить. Кумыс, например. Очень захотелось.

– В холодильнике есть?

– Нет, конечно. Ты ж его не любишь, я не покупаю.

– Сейчас пойду куплю.

– Ой, нет. Не надо. Не уходи. Не хочу оставаться одна.

Петр посмотрел на нее испуганно. А вдруг действительно с ней сейчас случится что-то страшное. Они, эти скорые помощники, вкололи беременной женщине что-то, ей стало на минуту лучше, они и свалили. А она боится одна оставаться. Он достал телефон и набрал номер брата Веры Ивана. Тот его иногда обслуживал как водитель, когда бывало много разъездов, в том числе – по области.

– Привет, Иван. Ты не занят?

– Домой еду.

– Заскочи к нам, пожалуйста.

– Не вопрос. Куда-то ехать?

– Да нет. Купи в магазине кумыс и… – Петр вопросительно посмотрел на Веру. – Что еще?

– Пусть еще дыню купит, – слабым голосом сказала она. – А я пока посплю немного.

Петр отдал распоряжение Ивану, тихо вышел из спальни, прошел на кухню, сел за стол. Есть и ему не хотелось. Он курил, ждал Ивана, сомневался в своем семейном счастье и не представлял, как можно разрулить эту ситуацию. Ежу понятно, что неприятность с Верой случилась из-за поведения Виктории и его реакции на нормальное по сути замечание жены. Дальше будет только хуже. Вера теперь не одна, вместе с ней на все реагирует ребенок, мать права… Петр взял телефон, чтобы позвонить Виктории и хоть раз сказать ей пару взрослых, мужских слов. Ее детство и безнаказанность кончились, начинается детство такого же родного для него существа. Для нее вообще-то тоже родного! Он не успел позвонить. Пришла СМС. От Виктории. «Папа, извини, не успела позвонить. Внезапно подвернулась путевка. Мы с другом летим на две недели в Турцию. Обязательно оттуда позвоню. Целую». Он перечитал сообщение несколько раз, чувствуя, что его оскорбили. Это уж слишком. Не успела позвонить! Ночи и дня ей с другом не хватило! Когда она соизволит позвонить, он сбросит звонок. Ей некогда, а ему не о чем с ней разговаривать. Он даже не знает, о каком друге идет речь, и не собирается это уточнять. У него жена чуть ребенка не потеряла из-за этой эгоистки.

В дверь позвонил Иван. Петр впустил невысокого широкоплечего парня с круглым румяным лицом, взял у него пакет, рассчитался.

– Спасибо, дорогой.

– Так завтра как договаривались? – спросил Иван.

– Наверное, все отменяется. Вера заболела.

– А чего с ней?

– Ну, всякие осложнения, как это бывает. Вроде уже лучше. Но я завтра, наверное, с ней побуду.

– На работу не поедете?

– Скорее всего, нет. Виктория в Турцию улетела.

– А че это? Разве у нее отпуск?

– Не знаю. Наверное, взяла. Мне не сообщила. С другом улетела.

– Что за друг?

– Вань, спроси чего полегче. Слишком ты любознательный сегодня. Иди. Завтра позвоню.

Иван невозмутимо кивнул, вышел. Петр закрыл за ним дверь, налил в высокий стакан кумыс, помыл, почистил и нарезал мелкими кусочками дыню, поставил все на поднос, вошел в спальню. Вера не спала, она вроде немного порозовела. Улыбнулась, устроилась удобно на подушках, он поставил ей на колени поднос. Она жадно пила, аккуратно ела дыню, потом отдала ему поднос и откинулась на подушки.

– Ох, отпустило. Легко так стало. А Вика пришла?

– Нет. Она улетела в Турцию на две недели.

– А, – протянула Вера. – Ну, пусть отдохнет. И мы тоже немножко. Ты не сердишься, Петенька, что я так говорю? Просто тяжело ждать по вечерам: придет – не придет…

– Не сержусь, на что?..

Петр прилег рядом с женой, осторожно притянул ее к себе, легонько поцеловал в губы, шею… Он чувствовал то же, что и она. Впереди две недели отдыха от постоянного напряжения в доме. За это время нужно присмотреть дочери квартиру. Где-то недалеко. Ей нравится этот район.

Глава 16

Когда Коля и Марина подошли к ее дому, начался дождь.

– У тебя есть зонтик? – спросил он.

– Нет. Я их терпеть не могу. Глупая идея: руки заняты, ничего не видишь, всех спицами цепляешь… А ты боишься дождя?

– Просто избегаю процедур, которые не заказывал. Если мне захочется побыть в мокрой рубашке и штанах, я вылью на себя ведро воды. Когда нет такого желания, предпочитаю оставаться сухим.

– Это ужас, сколько у тебя заморочек по каждому поводу. А мне иногда даже нравится дождь. Сейчас, например. Такой день хороший: все решилось, мы это отметили, скоро новая жизнь настанет, старую пусть смывает. – Марина подняла вверх лицо и рассмеялась.

– И все-таки пошли под дерево, мне кажется, оно помнит французов 1812 года. Под ним точно сухо.

Он взял ее за руку, потянул к толстому стволу старого дуба. Они стояли очень близко, он ее руку не отпускал, она не отнимала. Он внимательно разглядывал ее лицо, мокрое от дождя, она не отводила взгляда.

– Что скажешь? – наконец спросила она.

– Скажу, к примеру, почему ты, в отличие от большинства женщин, не любишь зонтики. Ты не боишься, что твои волосы расползутся по голове безобразными жидкими прядями. Они у тебя, наоборот, легли красивыми завитками. И ты не боишься, что тушь смоет с ресниц: тебя это не портит. Я думаю, девчонкой ты была воображалой, я таких десятой дорогой обходил. Мне казалось, что они меня обидят.

– Обижали?

– Каким образом? Я же обходил. Меня обижали другие, те, что ходят под зонтиком…

– Ой, ты случайно не хочешь, чтобы я тебя пожалела?

– Хочу. Но это не срочно. Какая у тебя интересная родинка под ухом. Круглая, как монетка.

Коля неожиданно для самого себя наклонился и дотронулся губами до темного пятнышка на нежной стройной шее. Марина мягко отодвинулась, положила ладонь на его губы. Он поцеловал ее пальцы, подержал их в руках, рассматривая.

– Интересно, что это значит? Настоящая татуировка?

– Да, представь себе. Мы с мужем так поженились: пришли в загс в одинаковых джинсах, клетчатых рубашках, кедах и вместо колец сделали себе татуировки на пальцах: у меня «А» – Александр, у него – «М».

– Кто придумал?

– Кажется, Саша, а мне понравилось. Кольцо можно снять, а это – на всю жизнь.

– Оригинал он у тебя, однако. А на груди вы ничего не написали? Ну, там: «Люби меня, как я тебя»? Или: «Здесь был Вася». Пардон, Саша?

– Нет, больше на мне ничего не написано. Ты не понимаешь, потому что такой же консерватор, как все остальные. В загсе тоже тетки кудахтали: «Брачующиеся, где ваши кольца, какие же вы брачующиеся…» Мы просто хотели быть не как все.

– Так и получилось. Не как у всех, а как у некоторых. Зэки ходят с такими знаками любви… Извини, заболтался. Не хотел тебя обидеть. А его, может, и хотел. Зачем он тебя пытался изуродовать? Но тебя украшает даже это.

Коля вдруг поцеловал ее долгим поцелуем, такой разрушает все границы между мужчиной и женщиной. Он пил ее красоту, с наслаждением ощущая ее зубы, язык, дыхание, теплую влагу, которой нельзя утолить жажду… Наверное, он впервые так много испытал, целуя женщину. Отпустил ее и небрежно сказал:

– Дождь кончился. Беги. А то твой Саша от волнения выгрызет букву «М» на пальце.

– Что ты к нему привязался, – рассмеялась Марина. – Бегу. Пока?

– Пока.

– Ты опять не спрашиваешь у меня телефон.

– А зачем? – с искренним недоумением посмотрел ей в глаза Коля. – Я не любитель телефонных бесед.

– Да, – кивнула Марина. – С тобой все ясно. Ты тоже был воображалой, когда тебя обижали девочки с зонтиками. Думаю, что били за это.

– Попадались и садистки, – скорбно сказал Коля. – Вся душа изранена. Увидимся.

Он быстро пошел и ни разу не оглянулся, хотя ему очень хотелось. Марина побежала к дому. Во дворе замедлила шаг. Она была в смятении. Ну да, ей нравится внимание этого человека, он странный, симпатичный, она бы хотела, чтобы у них были дружеские отношения… Тьфу ты, какая пошлость. Какие дружеские отношения? Они уже не дружеские. В ней кровь загорелась, когда он ее поцеловал. Ну и что? Она – верная жена и в то же время живая молодая женщина. Совершенно ничего не значит то, что ей нравится с ним общаться. Впрочем, он может завтра и не прийти. Вообще никогда больше не прийти. Она не знает, где его искать, у нее нет его телефона, и ей все это не нужно. У нее все в порядке, просто они с Сашей немного устали от напряжения последних лет. Что-то ушло. Но все вернется, обязательно…

Дома Коля сразу набрал телефон частного детектива Кольцова.

– Добрый вечер. Это Николай. В общем, у нее круглая родинка на шее, под правым ухом. И татуировка на безымянном пальце левой руки – буква «А». Мужа зовут Александр. Это все, что я смог увидеть. Мы мало знакомы.

– Понятно, – сказал Сергей, – это немало. Пока у меня нет ничего для вас. Даже шанса на то, что я смогу вам чем-то помочь.

– Как получится. – Коля положил трубку.

Он до утра просидел за столом в мамином кабинете, пытаясь думать. Но в голове крутилось одно слово – «шанс». Оно пылало, рассыпалось на сверкающие знаки, вновь выстраивалось рядом черных букв, не оставлявших надежды. Шанса не было. Он его не находил.

Глава 17

За час до конца рабочего дня у Марины зазвонил мобильник, определившийся номер был ей незнаком.

– Да, слушаю.

– Привет, Марина. Это я…

– Простите, не узнаю. Вы не ошиблись номером?

– Да нет, это Николай. Который тебя встречает после работы.

– Ой. А откуда у тебя мой номер? Ты ж его не знаешь!

– Забыл сказать: я маг и экстрасенс. Ну, по телику еще у них, то есть у нас, битва.

– Смешно.

– До ужаса. Я хотел сказать, что сегодня не смогу тебя встретить. Нужно съездить по делу…

– У тебя есть дела?

– Да, раз в десятилетие. Сегодня как раз тот случай.

– Понятно. А почему ты меня предупреждаешь? Мы вроде бы ни о чем не договаривались.

– Сам не знаю. Просто пришла в голову неожиданная и оригинальная мысль: «Мы в ответе за тех, кого приручаем». А вдруг, подумал, она, как стерх, привыкла лететь за дельтапланом, то есть – за мной…

– Господи боже мой, я такого болтуна еще не встречала. Это, пожалуй, действительно затягивает. В общем, ты не беспокойся. Я доберусь.

– Отлично. Передай привет вчерашнему дубу. Мы с ним понравились друг другу. Единомышленники.

– Обязательно.

– Пока.

– Пока.

Марина сложила на столе руки, опустила на них голову, закрыла глаза. Очень тепло ей стало при воспоминании о вчерашнем дубе… Когда она подняла голову, рядом с ее столом стоял шеф. Константин.

– Не выспалась ночью? – спросил он.

– Да нет, нормально. Просто глаза устали.

– Да, ты, конечно, много работаешь. А я как раз хотел тебя попросить ко мне зайти. Там платежка одна пришла, почему-то ее мне положили, без тебя не разобраться. Боюсь завтра забыть о ней. Ничего?

– Конечно. Я сейчас зайду. Только соберу сумку, чтобы уже не возвращаться.

– Давай. Жду.

Марина причесалась, расстегнула тугой пояс джинсовой юбки, поправила облегающую трикотажную черную блузку с узким вырезом и длинными рукавами, застегнулась, покрутилась перед небольшим зеркалом на стене. Она очень следила за тем, чтобы все на ней сидело идеально. Собрала сумку, прошла по коридору к кабинету шефа. Сотрудники уже ушли. В приемной не было и секретарши. Она открыла дверь, подумав, что не предупредила мужа, что задержится. Ну, это же на минуту – только взглянуть… Она остановилась на пороге: что-то не так. Верхний свет почему-то не горел, только настольная лампа на письменном столе. Сам Константин стоял перед ней, как будто именно здесь ее ждал все это время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylova_evgeniya/sovsem-kak-zhivaya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити